

СМОНА

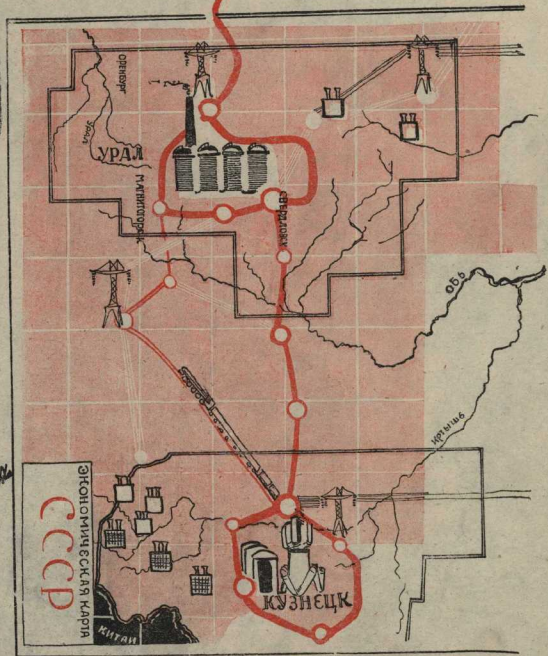
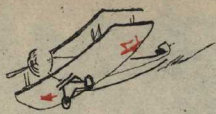
№ 3—4

1932 г.

Издание

«Комсомольской Правды»

**МЫ ПРОВОДИМ ПОЛИТИКУ МИРА
МЫ ЗАКЛЮЧАЕМ ПАКТЫ О НЕНАПЛЕЕНИИ
МЫ ДЕЛАЕМ ВСЕ ЧТО-БЫ НЕ ВОЕВАТЬ
МЫ ОЧЕНЬ БДИТЕЛЬНЫ НА ГРАНИЦАХ**

ВЛАДИВОСТОК

СМЕНА

№ 3-4

Февраль 1932 г.
Год издания 9

Литературно-художественный и общественно-политический журнал рабочей молодежи
Издательство ЦИ ВКП(б) «Правда»
Сектор Нем. «Правда»
Орган ЦИ и МН ВЛКСМ
Изд. «Комсомольской правды»
Адрес: Москва, центр, Б. Черкасский пер., д. 5. Тел. 5-67-03

**Механизация и моторизация
Красной армии—**

ОСНОВА укрепления обороны

Страны советов.

КОМСОМОЛЕЦ—И МОТОРУ!

Песня бойцов И танкового полка

В. Авруцкино

Дни и ночи напряженье,
Как в семнадцатом году.
Наши диски заряжены
И машины на ходу.

Припев:

Танкист—стальная броня.
Танкист, веди огонь!
Врагу в упор
Веди мотор,
Республики дозор.

Нашей грудью и бронейю
Труд республик защищаем.
То доказано тобою,
Дальних действий эшелон¹⁾.

Припев.

Как ты шел, тыла доня,
Как, скрепя твой разлет,
Шах дивизия стальная
Тяжкой поступью вехот.

Припев.

Там горели полустанки.
Люди падали в бреду.
Проходили наши танки,
Все машины на ходу.

Припев.

Зачевают генералы
Дело злой, лихой обды.
Дует ветер небывалый
На колхозные сады.

Припев.

Пусть же враг грозит ударом:
Не изменит наш мотор,
Это знают под Халдаром,
Это ж повяет Джалайгор.

Припев.

Так веди ж нас, Ворошилов,
Сквозь свинойный ураган,
Чтобы танками крошили
Обнаглелого врага.

Припев.

¹⁾ Эшелон, участвовавший в составе ОКСИВА в боях с Бельгийцами.

Самыми большими и самыми совершенными артиллерийскими орудиями Балтийского флота были орудия калибра 203 мм, установленные на крейсере „Аврора“.

В то время, как Александровский завод строил орудия для Балтийского флота, в то время в США с известными именами инженерами создавались орудия калибра 203 мм, которые и были установлены на крейсере „Аврора“.

В то время, как Александровский завод строил орудия для Балтийского флота, в то время в США с известными именами инженерами создавались орудия калибра 203 мм, которые и были установлены на крейсере „Аврора“.

Президиум ЦК Коммунистического Союза СССР, с искренней благодарностью вспоминает в дни Юбилея Октябрьской Революции борца Крейсера „Аврора“ за героическую волевыми усилиями и мужеством воевавшего в составе Красного Флота, одолевшего Ираклиэра Зюленина — за проявленное им героизм и дух Офицера, и не сомневаясь, что и в дальнейшем Крейсера „Аврора“ будет впереди всех борцов за Октябрьскую Революцию, да ее закончат, за Советскую Социалистическую Республику.

Председатель ЦК Коммунистического Союза СССР, с искренней благодарностью вспоминает в дни Юбилея Октябрьской Революции борца Крейсера „Аврора“ за героическую волевыми усилиями и мужеством воевавшего в составе Красного Флота, одолевшего Ираклиэра Зюленина — за проявленное им героизм и дух Офицера, и не сомневаясь, что и в дальнейшем Крейсера „Аврора“ будет впереди всех борцов за Октябрьскую Революцию, да ее закончат, за Советскую Социалистическую Республику.

Председатель ЦК Коммунистического Союза СССР, с искренней благодарностью вспоминает в дни Юбилея Октябрьской Революции борца Крейсера „Аврора“ за героическую волевыми усилиями и мужеством воевавшего в составе Красного Флота, одолевшего Ираклиэра Зюленина — за проявленное им героизм и дух Офицера, и не сомневаясь, что и в дальнейшем Крейсера „Аврора“ будет впереди всех борцов за Октябрьскую Революцию, да ее закончат, за Советскую Социалистическую Республику.

Председатель ЦК Коммунистического Союза СССР, с искренней благодарностью вспоминает в дни Юбилея Октябрьской Революции борца Крейсера „Аврора“ за героическую волевыми усилиями и мужеством воевавшего в составе Красного Флота, одолевшего Ираклиэра Зюленина — за проявленное им героизм и дух Офицера, и не сомневаясь, что и в дальнейшем Крейсера „Аврора“ будет впереди всех борцов за Октябрьскую Революцию, да ее закончат, за Советскую Социалистическую Республику.

Краснознаменный крейсер Балтфлота „АВРОРА“—учебный корабль Ленинского комсомола

Учеба стрельбе из орудий: у прицела аэропушки

ФОТО С. ИУРИХИНА

Построения социализма

В начале февраля закончила свою работу XVII всесоюзная партийная конференция, решения которой имеют историческое значение. В СССР к XVII партийной конференции пришли с величайшими победами и достижениями, позволяющими трудящимся массам нашей страны годами гордиться успехами нашей партии за последние пятилетки: в 1932 году, т. е. в 5 лет, а в 4 года. Железная воля миллионов масс первоначально намечта плановых работ побуждала и стимулировала успехи.

Рост продукции всей социалистической промышленности по отношению к 1930 году выразился в 21 проц. по тяжелой промышленности этот показатель достигнут в промышленности ряда отраслей промышленности: нефть, электротехника, машиностроение, пищевая промышленность—выполнили задание пятилетнего плана в 2½—3 года. Вступили в строй в 3-м году пятилетки, как Сталинградский тракторный, Харьковский тракторный, заводы по производству комбайнов, Московский завод городского автомобильного завода, первый завод Уральского завода тяжелого машиностроения, введение 79 угольных шахт с мощностью в 28 млн. тонн и в металлургической промышленности в 1 млн. выкатов, для того, чтобы представить себе грандиозную картину строительства социализма и создания его баз—тяжелой индустрии.

Второй решающей год пятилетки закончился итогами, которые означают создание новой мощной технической базы всего народного хозяйства страны, в первую очередь для реконструкции тяжелой индустрии.

И в области коллективизации сельского хозяйства Советский союз достиг побед, имеющих всемирно-историческое значение. 62 проц. колхозников и 39 проц. совхозников успешно перевели развитие совхозного строительства превратили СССР из страны мелкого и мельчайшего земледелия в страну самого крупного в мире земледелия на основе коллективизации, развернутия совхозов и широкого применения машинной техники.

Построение фундамента строительства социализма в СССР завершено. Ленинский вопрос: «кто кого» решен в пользу социализма окончательно и бесповоротно.

Все эти несомненные успехи являются результатом торого осуществления генеральной линии партии, правильного ленинского руководства ее Центральным комитетом во главе с тов. Сталиным. Задача социалистической индустриализации нашей страны, поставленная еще 5 лет тому назад XIV партийным съездом, вопреки прочтением правых и «левых» камуфляжам, успешно разрешена. Борьба партии и под ее руководством с буржуазно-буржуазной, зыбневской оппозицией, затем с троцкистско-зыбневским блоком, с правыми оппортунистами — кулацкой агентурой внутри нашей партии и с право-левыми блоками — с применением ко всем уровням от генеральной линии партии—обеспечила нам эти несомненные победы.

В своих решениях по докладу Орджоникидзе конференция отметила, что, несмотря на все эти громадные достижения, годовая план 1931 года по количественным и качественным показателям недополнена. Каковы причины этого недостатка? Основными причинами представляются невыполнение этого годового плана? Плохая работа транспорта, крупнейшие недостатки в организации труда (обеспечки и уравниловка), совершение всевозможных производственных преступлений, внедрение хозрасчета и недостаточная проверка исполнения, — вот те основные причины, которые мешали нашей промышленности выполнять годовые задания. Эти причины должны быть устранены в том бы то ни стало для того, чтобы с успехом выполнять на-

метки нашего народнохозяйственного плана на 1932 год.

План 1932 года по своему размаху оставляет далеко позади все же прежние предложения. По плану, утвержденному последней сессией ЦК, общий прирост продукции, достигнутый в 1931 году, должен достигнуть 36 проц.

Центральной задачей план 1932 года является выполнение производственных программ по черной металлургии, углю и машиностроению. Мы сами знаем, что по встречному—10 млн. добыча 90 млн. тонн угля и выжиг 13,4 миллиарда тонн кокса, дальнейшее развертывание машиностроения с обязательными задачами Уральского и Челябинского заводов тяжелого машиностроения, Сибирского завода горного оборудования, Луганского паровозостроительного и Никанитинского вагоностроительного заводов—это основные задачи, которые должны определять работу всех организаций этих ведущих отраслей промышленности в 1932 году.

В выполнении этих заданий ответственность подчеркивается, что все плановые задания могут считаться выполненными лишь при том условии, если самостоятельно продукцией будут снижены темпы в производственном труде—возрастет на 22 проц. Борьба за 7 и 22 означает делом чести каждого молодого рабочего, каждого комсомольца. В основу этой борьбы должны быть положены все указания и шесть исторических указаний тов. Сталина.

Выполнение плана 1932 года обеспечит успех победоносного строительства Страны Советов в первом пятилетии. В Директиве тов. Сталина, назначенный XVII партконференцией, оставляют далеко позади самые смелые предложения.

Первой задачей пятилетки является задача немедленного осуществления технической реконструкции всего народного хозяйства, завершение которой должно быть осуществлено во втором пятилетии. План Директивы тов. Сталина, утвержденный в последние дни сессии XVII партийной конференции, раскрывают грандиозные перспективы построения социализма на одной шестой земного шара. Довольно сказать, что размеры капитального строительства во втором пятилетии ориентировочно определяются суммой 140—150 миллиардов рублей, чтобы представить себе все величие все невиданное нашего народнохозяйственного развития.

На чем будет базироваться завершение реконструкции всего народного хозяйства СССР? Конференция в своих решениях установила, что продукция в советского машиностроения должна увеличиться к 1937 году в 3-3½ раза против 1932 года; производящую энергию к концу второй пятилетки будет составлять 100 миллиардов киловатт-часов против 17 миллиардов в 1932 году, добыча угля не менее 250 млн. тонн против 90 млн. тонн нынешнего года, добыча нефти увеличится в 2½-3 раза. Черная металлургия будет развиваться, исходя из того, что к концу второй пятилетки наши доменные печи будут выплавлять не менее 22 млн. тонн чугуна. Таковы же перспективы и остальных отраслей нашего народного хозяйства: цветной металлургии, химической промышленности, железнодорожного, авиационного и воздушного транспорта, а также легкой и пищевой промышленности.

В области реконструкции сельского хозяйства наша работа будет исходить из того, что в 1932-33 году вступит в действие в основном коллективизация и ликвидация на ее основе кулачества как класса по всему Советскому союзу. Зерновая продукция к концу второй пятилетки должна достигнуть не менее 1300 млн. центнеров. Таковы самые ориентировочные намечки плана вселенных работ на второе пятилетие.

Решения XVII партийной конференции по развитию легкой и пищевой промышленности и сельского хозяйства, в частности животноводства, дают возможность обеспечить насе-

ление основных потребностей товарами и в том числе продуктами питания не менее чем в 2-3 раза против конца первой пятилетки. Эта задача, в ранно и обеспеченное большинство темпов, в частности, на достижение этой задачи быть решена только лишь на основе самого широкого развертывания советского товарооборота и применения хозяйственного расчета, что является основным условием обеспечения перехода к «продуктобмену» и разговору об «отирании денег» на данной стадии строительства социализма, на достижение которого антибуржуазный, антилиберальный характер.

«Основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовое разделение и эксплуатацию, и преодоление капиталистических элементов, порождения и сохранения людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества. В решении этих задач мы можем достигнуть лишь при условии самой беспощадной борьбы с остатками капитализма, железно-предельная сортировка гибущих капиталистических элементов, пролетариата буржуазных и мелкобуржуазных предпринимателей, нередко находящихся среди трудящихся.

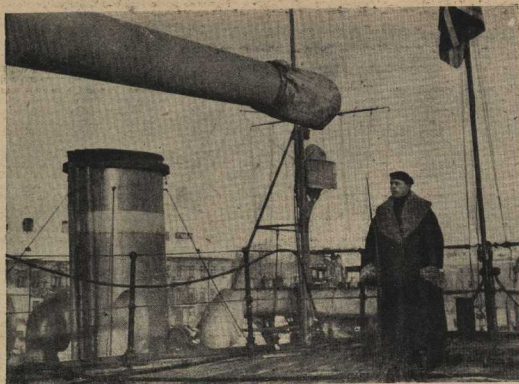
Конференция подчеркивает, что и в дальнейшем еще неизменно обострится классовая борьба в отдельные моменты и особенно в отдельных районах, на отдельных участках социалистического строя, что вместе с тем подчеркивает необходимость сохранения в некоторых случаях и участия буржуазных влияний на отдельные слои и группы трудящихся, неизбежность еще в течение длительного времени существования кулацкой, пролетарской, классовых влияний в среде рабочих и даже в партии. Ввиду этого перед партией стоит задача укрепления пролетарской диктатуры и дальнейшей борьбы с буржуазными элементами, с буржуазным и мелкобуржуазным капитализмом и особенно с правым уклоном как главной опасностью на данном этапе».

Второе пятилетие поставит Союз советских республик перед задачей дальнейшего укрепления в Европе в техническом отношении и обеспечит за СССР экономическую самостоятельность, обеспечивающую его от превращения в придаток капиталистического мирового хозяйства.

Наши успехи будут выглядеть еще грандиознее, если мы вспомним, что окружающие нас пять шестых земного шара, где господствует еще капиталистическая система, находятся в преданти буржуазного экономического кризиса. 25 млн. безработных только лишь в Европе и Америке, невиданные обнищание миллионов масс крестьянства и народов колониальных территорий, регресс, экономическое и культурное обнищание,—вот чем ознаменовались вступление капитализма в 1932 год.

Неоспоримым фактом, что наша социалистическая система хозяйствования имеет все преимущества перед системой капиталистической. Разгаданный глубочайшим противоречием капиталистической системы выходы из только в капиталистической эксплуатации рабочего класса и трудящегося крестьянства, но и в новых выходах, в новом переделе мира, в грабеже и разбое. Тром колоссальных успехов на дальнем Востоке, в Китае, в Японии, в Индии, в Африке, в полном аккомпанементом к Женевской гонимости о разоружении и вскрытают действительные замыслы ее правых. Капиталистический мир будет вступать в новую стадию своего развития в первую очередь в интересах Советского союза. Об этом со всей очевидностью говорят факты последнего времени, свидетелими которых мы являемся. Поэтому уверенность в оборонеспособности Советского союза является первейшей обязанностью каждого молодого рабочего и каждого комсомольца.

Ленинский комсомол, представляющий в своих рядах 5½ млн. молодых рабочих и колхозников, являющийся первейшим и надежнейшим помощником коммунистической партии, должен приложить все силы, а своею жизнью, всею своим энтузиазмом к тому, чтобы решения XVII всесоюзной партийной конференции были не только выполнены, но и перевыполнены.

Шестидюймовое бановое орудие, из которого был дан первый выстрел по Зимнему дворцу в октябрьские дни

„Аврора“ на службе пролетариата

Крейсер «Аврора» построен в Петербурге на Франко-русском заводе и спущен в 1900 г. Вступил в строй в 1903 г.

Во время русско-японской войны крейсер совершил поход вокруг Африки, участвует в Цусимском бою, закончившемся разгромом русской эскадры. Получив большие повреждения, крейсер ушел в Мангалу (Филиппинские острова), где был разоружен. Исправив повреждения, крейсер в феврале 1906 г. вернулся в Россию.

В империалистическую войну крейсер охраняет передовую и центральную минные позиции и участвует в боевых операциях флота в Рижском заливе.

Февральские дни

1917 г. застаёт износившийся крейсер в Петрограде на Франко-русском заводе. В городе неспокойно, беспокойно и на крейсере.

28 февраля командиром корабля Никольским, выполнявшим одновременно должность начальника караульного отряда одного из районов, были приведены на корабль 3 арестованных, не имеющих ничего общего с кораблем, что возмутило матросов. Возмущение матросов заставило командира вызвать солдат Кесгольдского полка и передать им арестованных для заключения в крепость. Команда бросилась к уходящим арестованным с криками «ура!».

Постаравшиеся командир и его помощники Отрановский стали стрелять в матросов. Один оказался убитым и несколько человек ранеными.

Через несколько минут был сделан большой сбор, на котором Никольский выступил с угрозами.

Матросы уговорили в тот же вечер на молитве выключить свет и перевязать всех офицеров, пользуясь тем, что они стоят на молитве вперед команды. Но рулевой унтер-офицер Серов донес об этом, и офицеры стали позади команды, вооруженные револьверами.

Затогор соразлся.

Утром 27-го к крейсеру подошли рабочие, узнавшие о случившемся, и потребовали: убийц матросов. Они не выходили, и их пришлось выгнать силой на берег, где они держали себя дерзко и вымывающе, что возмущало рабочих, смешавшихся с матросами, вооруженными винтовками.

Матрос Брашнин не вытерпел и выстрелом уби командира, а другой штыком заколол помощника.

Расправившись с командиром и старшим помощником, аврорцы с рабочими Франко-русского завода под одним знаменем пошли на демонстрацию...

Царя свергли...

Н Октябрь

Вскоре на корабле был организован судовой комитет, старший верховной властью на корабле, в котором руководящую роль заняли Вельше, Курков и Златогорский. Первой работой судового комитета было продолжение ремонта, но разразившиеся события заставляли комитет сменить на борьбу...

Небольшая группа аврорцев ходила в цирк Чинизелли и «Модерн», где они узнали правду о происходящих событиях, которые потом на кубрике обсуждалась среди команды. В эти дни на дверях судовой канцелярии появилось необычное для канцелярии объявление: о записи желающих вступить в партию большевиков: Курков, Златогорский, Лукинцев, Бельше были первыми большевиками на «Авроре». Судовой комитет стал большевистским...

На июльской демонстрации аврорцы выступали с большевистскими лозунгами: «Вся власть советам», «Хлеба и мира», «Долой десять министров-капиталистов». На демонстрации были арестованы Курков и Златогорский.

Возмущенные арестом своих руководителей, аврорцы потребовали освобождения их, угро-

Утренние политзарядки: прорабатывают передовицу „Комс. правды“

Комсомолец Редкин заканчивает курс немецкого языка по радио

Коллективная читка

жая в случае отказа стрелять по городу... Курков и Златогорского освободили.

Временное правительство перестало для аврорцев существовать. Все приказы выполнялись лишь с согласия судового комитета и Центробалта. Так например, полученный приказ выйти в Гельсингфорс не был выполнен из-за отмены его Центробалтом.

2 октября крейсер получил от Ревкома предписание, которое определил роль «Авроры» в дни восстания.

В предписании предлагалось всеми имеющимися в распоряжении крейсера средствами свести разведенный Николаевский мост и привести корабль в полную боевую готовность.

Аврора по революционному замыслу за выполнение задания. «Аврора» была приведена в полную боевую готовность. Новый командир, отказавшись вести корабль к Николаевскому мосту, был арестован. Сигнальный старшина проверил с парового котла глубину фарватера Невы, и «Аврора» благополучно подошла к мосту. Разведенный временным правительством мост был сведен, что дало возможность революционным отрядам с Васильевского Острова перейти в Центральный район. Одновременно была налажена связь с берегом и Смольным.

«Вместе с предписанием были получены инструкции, говорившие, что крейсер должен стрелять только после условного выстрела с Петропавловской крепости, и если юнкера не будут слышать—стрелять боевыми из 6-дюймового главного орудия по Зимнему дворцу».

Веч 25 октября проходит в томительном и возбужденном ожидании. На Дворцовой площади слышал оружейная и пулеметная перестрелка. На помощь из Кронштадта туда прибыли революционные матросы...

Наконец, сигнал с Петропавловки дал знать «Авроре» о необходимости ее участия в осаде дворца.

Выстрел из баковой пушки помог ленинградскому пролетариату взять Зимний дворец... Участие временного правительства и русской буржуазии была решена.

Годы гражданской войны

В начале 1918 г. корабль стал получать предупреждения о покушении на взрыв. Приходилось усилять наряды, несмотря на то, что часть команды ушла на фронт.

Однажды в науте какой-то солдат принес из корабль сверток, сказав, что ящичка его у

борта крейсера. В свертке оказалась ящичка машина, снабженная часовым механизмом.

Старший артиллерист отдели взрытчество ведомство от механизма и стал разбирать посадений. Начиная спустился ударник, и капсула взорвалась. Раненый Вингер без чувств был доставлен в госпиталь, где из его тела извлекли 18 осколков взорвавшегося механизма. Это событие усилило бдительность и осторожность команды ко всему.

В 1919 г. с моря и суши на нас наступал Юденич с английской эскадрой, угрожая Ленинграду. Решая помешать противнику продвигаться на Кронштадт, затопили на фарватере большое судно, и для этой цели «Аврора» 2 раза приговаривалась к затоплению.

Но благодаря самоотверженности наших небольших морских частей, флот противника потерпел поражение, и «Аврора» снова была введена в гавань.

1920 год. Крейсер пустой и мертвый стоит в Кронштадтской военной гавани, сланный порту на долгое хранение.

Все аврорцы разошлись на фронты гражданской войны.

Возрождение

В конце 1922 г. идея возрождения флота приняла реальные формы. Для организации в первую очередь требовалось создание учебного отряда. Поднимали вопрос о введении в строй «Авроры», но экономическое состояние страны не позволяло этого.

Но в конце года этот вопрос был решен в положительную сторону.

На «Авроре» вернулись часть старых аврорцев, которые с пришедшим молодым составом самоотверженной работой и собственными без участия завода средствами восстановили крейсер. В летнюю кампанию 1923 г. крейсер вошел в состав судов Балтийского флота.

3 августа 1923 г. ЦИК СССР принял шестство над крейсером.

В 1924 и 1925 гг. крейсер «Аврора» совершает два заграничных плавания с заходом в порты Готеборг (Швеция), Тронхейм, Берген (Норвегия), Мурманск и Архангельск. В кампании 1926—27 гг. крейсер совершил два дальних похода с выходом в Каттегат.

7 ноября 1927 г. в 10-летие Октябрьской революции президиум ЦИК СССР награждает крейсер «Аврора» как отдельную воинскую часть Красного флота орденом Красного знамени за отличия в дни Октября...

На посту

Комсомольские снайперы

Собрание 2-й роты сегодня необычайно. Присутствующие расположились на дужке и пятидесятки метрах от «линии огня».

Секретарь ячейки Суравегин сидит на носу танка, опираясь на принесенную мишень. Он хотел еще раз показать результаты стрельбы.

Мишень была свежей. Ни одна пуля не задела ее.

— Как же, товарищи, так вышло? Кто здесь виноват? — спросил он.

Итоги летних стрельб были неутешительны. Рота, ранее считавшаяся первой, сегодня позорно провалилась.

Суравегин говорил недогово. За ним говорили другие. Многие неудачу искали не в себе.

Но вот слово взял молодой командир танка Крамар:

— Сами виноваты. Мы о себе, о своих достижениях и способностях слишком много возомнили. Скажите, как мы готовились к стрельбам? Выходит,—словно виновато. Чепуха! Сехали на обстреливаемую, а не боролась с ней. Помните прошлый год? То же самое было. А как поднажечь—что бышло?

Сам Крамар—лучший стрелок не только в роте. Он уверен, что выпущенная им пуля—всегда в мишень. И это, так. В пестротой многогранности он часто делался опытом секретаря своих подчиненных.

За ним говорили Частукин, Дорошенко—комсомольцы, лучшие снайперы роты. Мысли их были одна и те же и требовали одинаково: ежедневно—тренировка. Четко проверять пулеметы, танки. Утреннюю зарядку проводить организованно.

Они чувствовали себя виноватыми за всю роту и перед всей ротой, и теперь поднималось желание искупить собою вину.

В полк рота приехала в полном составе.

«Людям быть вчера «победителями», а сегодня «побежденными»,—думал Дорошенко, как и все остальные снайперы.

Выпущенная на следующее утро стеновая газета имела необычайную, даже для заводов печати, передовицу:

«Долой 0!»

Для второротовцев это было понятно. Они знали, что нужно еще добавить:

«Давать 100!»

Так сказали и вчерашнее собрание ячейки. Рота обязалась в будущих стрельбах показать «класс».

Утром Кочухидзе, комзавода, самый отчаянный стрелок второго взвода, собрал взвод.

Он сказал:

— Нужно занять нам прежнее место. Сегодня проведем стрелковую конференцию. Командир Крамар расскажет и покажет свои методы стрельбы.

Тренировка по стрельбе, палочка,—каждый повторяет приемы командира.

Как разъярил командир, новые формы работы обеспечат успех.

После этого хороший стрелок и лучший механик подлетел Власов заключил договор ссоросоревнования со своим командиром-снайпером Рязанцевым на лучшую подготовку и проведение стрельбы.

Рота собралась на памятный для нее место. Одни из роты, оставшись за командира роты, коротко повторил условия предстоящих стрельб.

— Стрельба контрольная. По ней командование будет делать вывод о нашей учебе.—И он отдал распоряжение о подготовке к стрельбе.

Стрелял первый взвод. Удачно.

— Второй взвод, приготовиться! — крикнул линия огня дежуривший по стрельбу.

— Становись! — скомандовал Кочухидзе.— Первыми стреляют командиры,— продолжал он, выстроив взвод.

Первый взвод, с которым соревновался взвод Кочухидзе, задание выполнил на сто процентов.

— Успех первого взвода должен повлечь на нас в хорошую струю. Надеюсь, не подкачаем?—спросил Кочухидзе.

— Да уж, думать надо,—послышалось из строя.

— Нажмем..

— К машинам!—скомандовал проводивший стрельбу. Механики, командиры стали впереди гусениц.

— По машинам!—послышалась вторая команда.

Рязанцев, упершись животом в нос танка и выгнувшись, положил диски на инструментальный ящик, затем одним прыжком очутился в боевом отделении, за ним—Власов.

Власов получил от Рязанцева сигнал о менинговании курсовым углом.

Впереди стояли расставленные по фронту и в глубину мишени и ждали нападения.

— Огонь!—команда.

Власов получил от Рязанцева сигнал для хода.

— Вот мишени—вперед, стреляй прямо! Но этого,—это делать нельзя. Стрельба—при изменении курсовым углом.

Власов—поворачивает танк влево, увеличивая угол. Из соседних танков послышалась застрелы.

Над головой Власова раздался выстрел. Рязанцев дал первую очередь. Пыль поднялась перед мишенями.

— Неделет,—встреонулся Рязанцев, прикрываясь пулемет. — Вторая очередь! Еще крепче!—прикрик к себе пулемет.

— Есть!..

— Третья очередь!

— Есть, — проговорил Рязанцев. Курсовой угол уже ушел до 130 градусов, дав на «свою железку» газа, Власов нажал тормоза, и танк быстро встал в обратном направлении. Выстрелы в других танках прекратились. Еще и еще очередь. Танк направился на «линию огня». «Линия» наполнилась танками.

— Власов!

— К мишеням!

Попенялись роты.

— Долго не прищурив глаз, не напригай,—учил Рязанцев влезавшего в танк Власова.

Команда к стрельбе подана.

Вот линия, которую пересекать нельзя, а надо двигаться параллельно ей. Рязанцев повернул машину. Мишени пропали из поля зрения Власова. Как ни вращал яблоко, только видна одна мишень на левом флажке. Немного замедлил, но быстро освоился.

Первую машину.

Поде мишени встала перед ним. Первым подав выстрел Власов. Как это, посылались выстрелы с других машин.

— Вторая очередь!

— Осека..

— Плотнее вставляй диск, отгнивай на себя,—слова дум мотора еле слышав Власов Рязанцева.

Снова очередь.

«Давать пять патронов в цель,—подумал Власов,—это здорово!»

Проходили ряды мишеней.

— Здесь есть. Пусто. Пусто. Есть..

Не выполнил задания только один, больше подовины выполнил «отлично», один—«удовлетворительно», остальные—«хорошо».

Из последних был Власов. Еще одна пуля в мишень, и он был бы в первом классе.

Он только изучил методы лучших стрелков, достаточной тренировки еще не было.

— В следующий раз надо выполнить на «отлично»,—решил Власов.

Прошла декада. Рота провела две стрельбы.

В рапорте комбата командованием полка о допущении на полковые индивидуально-составленные стрельбы после порядкового номера 5 был Частукин, затем — Рязанцев и еще через две цифры — Власов.

Авторцы и шефы

В истекшем 1931 году комсомольская организация крейсера «Авроры» под руководством парторганизации по-большевистски дрались, дерется и сейчас со всеми врагами партии и советской власти за пятилетку в четыре года. Вместе с комсомольцами фабрик, заводов и колхозов идут комсомольцы «Авроры» за перевыполнение боевого плана, за овладение техникой, за знание специальности, за '0 проц. недисциплинарных проступков. Комсомол «Авроры» ведет непримиримую борьбу с теми, кто подрывает войсковую дисциплину.

Комсомолец должен помнить, что «большевик-комсомолец познается в темпах, еще раз в темпах плюс качество, ибо комсомольцы должны дать величайшие темпы, гигантский размах и все это должно сопровождаться качественной стороной дела» (Косарев).

Образцы выполнения этого лозунга за летнюю кампанию 1931 года показали комсомольцы 2-го сектора в несении вахтенной службы в машинном отделении, в котельных и в трюмах, и в результате—ни одного случая окисания механизмов и ни одного перебора в работе за все время похода. Вахта по всему кораблю неслась отлично, — такова оценка со стороны командования крейсера.

Сейчас комсомол крейсера мобилизовал все свои силы, всю энергию на качественное выполнение зимнего ремонта, чтобы кампанию 1932 года провести с еще большими успехами. Вот имена лучших комсомольцев-ударников краснознаменного крейсера «Аврора»: 1) Осков—электрик, 2) Башкиров, 3) Гречнев, 4) Ванин, 5) Борнсов, 6) Давыдов, 7) Сарычев, 8) Косарев.

Работа комсомольской организации крейсера не лишена недостатков. Бюро коллектива считает, что боевой лозунг «каждый комсомолец—примерный краснофлотец» еще далеко не выполнен. Комсомольцы не добились еще решающего перелома в укреплении революционной дисциплины и надлежащей примерности в своих рядах. Вот лица, которые не воспитывают в себе воинских качеств, как это полагает краснофлотец-комсомолец, и систематически нарушают воинскую дисциплину: Вороцов, Косбаев.

Мы ждем от нарушителей дисциплины полной примерности и четкости в службе.

Марксистско-ленинским воспитанием охвачены все комсомольцы крейсера: организовано несколько школ, кружков. Комсомольцы, окончившие союзную школу, занимаются в канцелярской, где получают знания, необходимые для кандидата партии, с таким расчетом, чтобы база роста партии за счет комсомола полностью была исчерпана за 1931 год. В партию передано из комсомола 62 чел. База роста ВЛКСМ исчерпана на 95 проц.

Особо ответственной задачей комсомольской организации крейсера являлось всемерное содействие подготовке в летний период новых командных кадров из курсантов ВМУ. Эта задача решалась через бюро, президиум и всей комсомольской массой под руководством ко-

мандования и парторганизации. Помощь оказывал каждый комсомолец, передавая курсанту свой опыт и свои практические знания. 1-й специальный курс военно-морского училища выполнил боевой план хорошо. Учебные программы пройдены в срок, показатели по отдельным предметам перевыполнены. Комсомольца-

курсанты в основной массе—перачи в дисциплине и в боевой учебе.

Комсомольская организация vela и ведет свою работу по содействию оставлению на сверхсрочной службе лучших краснофлотцев и младших командиров, укрепляя любовь каждого комсомольца к своему кораблю.

Аврорцы за изучением манометра

На всякий случай заряжаем орудия

В Петербурге 9-го января 1905 г.

Вооруженное восстание на Васильевском Острове

Влад. Бонч-Бруевич

«Охвативший со всех сторон от города мостами, которые поныне части и позиции заняли с самого раннего утра, Васильевский район, представлявший как бы самому себе, не имея общения с остальными частями демонстрации, развивавшей по всему городу, проявил самую огромную напряженность революционной энергии и непосредственного действия. Уже с утра началось выявление здесь явно отрицательного, глубоко враждебного отношения к воинским и полицейским властям. О гапоновской демонстрации как таковой на Васильевском Острове не никто даже не думал. Она не задела общественного сознания этого района, всегда отличавшегося значительно повышенным политическим развитием масс. Здесь с первых часов 9 января все дышало явно политическим, боевым настроением. Ослабление обеих сторон заметно росло.

«Ид-за решетки Академии художеств, во время беседы» эскадрона, выпалили на нас брань и наглые издевательства, — сообщается в описании действий эскадрона № 5. — В это время за Средним проспектом выросла баррикада с красным флагом посередине. Для выяснения обстановки, с разрешения командовавшего кавалерийского полковника лейб-гвардии казачьего его величества полка Беззидного, мною был выслан вперед под начальством поручика Козебу, который, добив до баррикады, донес, что жидкая толпа держится впереди баррикады, составленной из телефонных столбов и телеграфной проволоки, натянутой поперек улицы в несколько рядов, но что за баррикадой видно только несколько человек.

Итак, день начался на Васильевском Острове с взведения баррикад. Стало быть, действовали спящие, организованные отряды революционных организаций, которые имели везде всюду и везде затруднили положение войск и полиции, везде им мешали, везде проявляли свою революционную волю, направленную против самодержавного порядка. Здесь впервые за эту демонстрацию появляется красный флаг — этот символ революционной борьбы.

С каждым часом события здесь меняются, развиваются.

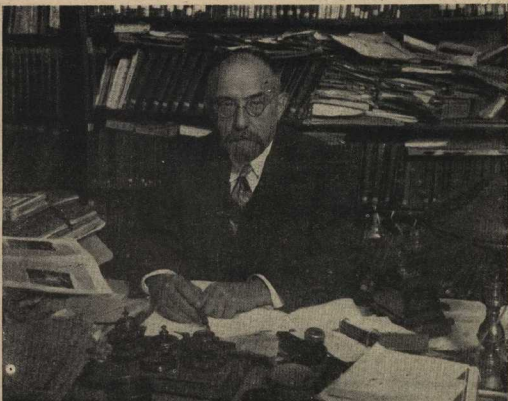
«Около часу дня отсюда стали поступать донесения, что толпа на 4-й линии увеличивается, и по сведениям полиции, подтвержденным донесениями кавалерии, толпа эта начала устраивать проволочные заграждения, строить баррикады и выкинула красный флаг. И. д. полицеймейстера подполковник Гале потребовал рассеять толпу и уничтожить баррикады. Опасаясь, что кавалерия может порезать лошадей о проволочные заграждения, я приказал двум ротам из особого резерва (роты лейб-гвардии Финляндского полка и роты 89-го пехотного Беломорского полка) под общим начальством полковника Скопинского выйти вперед кавалерии и рассеять толпу»). И полковник Скопинский приступил к выполнению возложенного на него поручения. В секретных военных документах, которые мы исследуем, находится подлинный «секретный» рапорт от 18 января 1905 г. № 1 роты штабс-капитана Длужницкого, в котором он дает описание этого события.

«В два часа дня, — рапортует он, — по приказанию генерал-майора Самгина, отряды были приказано немедленно двинуться по 4-й линии против надвигавшейся толпы демонстрантов. На углу Среднего пр. и 4-й линии отряд (одна рота л.-гв. Финляндского полка, одна рота Беломорского полка и кавалерия) должен был остановиться, так как шаг за шагом в 10 было устроено заграждение из телефонной проволоки и наваленных телеграфных столбов, а за этим заграждением, шагах в 60, была устроена баррикада, на которой стоял господин, держа в руках красный флаг, рядом с ним — еще несколько человек, а за ними — большая толпа разного народа. Перерубив проволоку, отряд немного двинулся вперед. Начальник отряда полковник Скопинский три раза громко просил толпу разойтись, с предупреждением, что будет стрелять. Затем был дан сигнал к стрельбе, который был обнесен толпе. После этого, так как толпа не расходилась, был дан залп роты лейб-гвардии Финляндского полка. Толпа бросилась назад. В это время из окон вновь строящегося дома, с левой стороны улицы, стали бросать во веревную мисе роту кирочий и было произведено несколько революверных выстрелов. Тогда, по моему докладу, полковником Скопинским было приказано прекратить это. По моему приказанию первая полнурота, зарядив винтовки, вышла на изготовку вверх и влево в этот дом. Я предупредил, что если из окон будет продолжаться стрельба или бросание кирочий, то буду стрелять. Полнурота была в таком положении до тех пор, пока не была разбрана ветр баррикады ротой Финляндского полка»).

1) Секретный рапорт № 1 от 18 января 1905 г. коменданту 4-й съездной роты.

Картина этого уличного боя весьма характерна. Здесь и нападение, и противодействие, и сопротивление, и стрельба по войскам, бомбардировка войск кирочиями со стороны народа. Мы находим все элементы уличного боя во время гражданской войны, когда еще народ не успел захватить в свои руки оружие, когда правительственные воиска еще не расштаны революционной пропагандой и когда для братания войск с народом нет еще ни малейшего признака. Здесь, конечно, не может быть никакой речи о мирной демонстрации. Здесь даже не вооруженные выступления, гражданская война, восстание, испомиланное нам начало восстания в Москве в 1905 г. Действия демонстрантов здесь уже не стихийные, не случайные, а несомненно, заранее продуманные, предельно обдуманные, проработанные; роли между действующими лицами распределены, и под их руководством массы рабочих, вышедших на улицы, послушно и сочувственно выполняют то, что было предназначено выполнить революционным организациям.

Эти первые баррикадные жертвы, погибшие под красным знаменем пролетариата, сами говорят за себя. В высшей степени важно знать, что построение этой баррикады было не случайным явлением этого дня на Васильевском Острове, а отдельным фактом целой системы борьбы рабочих с правительственными войсками, заранее продуманной, заранее выработанной, пламенно осуществляемой. Эта васильевская демонстрация 9 января являла собой прекрасный пример вооруженной демонстрации, которая переходила в восстание, а гражданскую войну и к которой именно большевистская часть социал-демократической партии как раз в это время начинала уже призы-

Влад. Бонч-Бруевич
в рабочем кабинете

2) Рапорт № 96 от 10 января 1905 г. коменданту лейб-гвардии полка генерал-майора Самгина командующему гвардейского корпуса.

ать рабочих. Что построение баррикад и других удачных захватов входило в систему революционных действий, а не было случайными эпизодическими явлениями, видно хотя бы из того, что в официальных документах мы находим на этот счет и другие интересные свидетельства. Мы уже знаем, что войска двинулись разрушать одну вышедшую и разражающую высти баррикаду. Разрушив ее и отогнав залпными находившихся здесь рабочих, войска двинулись по 4-й линии и сейчас же стали наткнуться на новые баррикады, новые захватленные. «Во время следования по 4-й линии, — сообщает в секретном рапорте № 1 от 18 января 1905 г. командир 4-й сводной роты 89-го пехотного Белеморского полка, рапортуя начальнику сводного отряда — 23-й пехотной дивизии, — так было, когда сводная рота пошла в одном направлении 4-ю линию. Но пока она же далее и далее удалялась, в ее тылу сейчас же опять появились скопиче рабочие, энергия которых отнюдь не упала при виде раненых и убитых от залпов выстрелов. И они вновь принялись строить баррикады, конечно, сильнейшим образом рискуя быть обстрелянными продольным сквозным огнем пехоты.

И здесь только после трех залпов, в результате которых были убиты и ранены, демонстранты укрылись в переулки и во дворы. В описании «действий 4-й сводной роты 89-го пехотного Белеморского полка» об этом крупном столкновении войск с демонстрантами говорится:

«Возвращаясь обратно, отряд наткнулся еще на баррикаду (в 5 часов вечера), за которой стояла большая толпа народа. Отряд остановился; полковник Скопинский начал увещавать толпу разойтись, в противном случае угрожал стрельбой. Толпа не слушалась и сильно ругалась и кричала, что белеморцы не будут стрелять в своих. Был дан сигнал стрельбы; полковник Скопинский объяснил его толпе, но она еще сильнее стала ругаться. Тогда по приказанию полковника Скопинского и для залп (цель в ноги). После первого залпа толпа немного отошла назад, остановилась и стала снова кричать. Опять последовало предупреждение со стороны полковника Скопинского, а затем, по его приказанию, два залпа. После чего толпа разбежалась».

Так действовала пехота на 4-й линии Васильевского Острова. Кавалерия, шедшая за ней, не могла быстро продвигаться, потому что встречала повсюду всевозможные препятствия.

«Подобая на 100 шагов, выяснило, что по ту сторону баррикады вышли роты, почему, раздвигая себе проход и посадив людей, присоединился к ним. Дальнейшее движение по Малому проспекту совершалось очень медленно, так как на каждом шагу встречались повелевшие телефонные столбы с массой перешагну-

той проволокой, перевод через которую лошадей требовал много времени. Во все время движения слышались крики и ругань из окон и из подворотен проходных домов. Около 12-й линии, ввиду демонстративных действий из-за встреченной баррикады, головной ротой было дано два или три залпа и несколько одиночных выстрелов».

Это официальное свидетельство говорит нам о многом. Здесь уже кавалерийские войска встретили такие затруднения, которые заставили их почти приостановить движение вперед, и, что особенно примечательно, все это совершено на очень большом пространстве, которое надо измерять верстами, стало быть, здесь активно участвовали огромные массы рабочих и, вероятно, студентам, ибо на Васильевском Острове в то время жило очень много учащейся молодежи.

Баррикады были построены не только по 4-й линии, но и по Малому проспекту, где также войскам пришлось разбирать их и давать залпы по толпе, которая на требование разойтись ответила выстрелами. Все это дает нам право сказать, что василюостровская демонстрация 9 января далеко перешагнула рамка демонстрации и, перешла в Действительное вооруженное восстание.

В других местах Васильевского Острова точно так же продолжали строиться баррикады и все более учащались столкновения с пехотой и кавалерией.

Такие вооруженные столкновения народа с войсками продолжались на Васильевском Острове в течение всего дня 9 января, несмотря на большие жертвы, понесенные рабочими и учащейся молодежью, вышедшими на улицу для вооруженной демонстрации под красивыми революционными знаменами.

Это пробуждение широких масс Петербурга, эта громадная активность в эти памятные дни были явными предвестниками и оживителем подема, и большой решимости, и выросшей политической сознательности.

Влаивмир Ильич, чувствуя все это, не только отметил это новое в революционном движении того времени в ряде своих статей, но и особенно подчеркнул выступление рабочих масс на Васильевском Острове, где движение «переросло обыкновенную демонстрацию и приняло себя с яркой революционной стороны».

Мы чтили и будем чтить всегда этот великий день русской революции — день 9 января 1905 г., когда сотни тысяч рабочих проявили удивительное мужество, за счет своего выступления тысячами жертв убитых и раненых, когда впервые было не только провозглашено, но и самими действиями подтверждено вооруженное восстание в царской столице, в Петербурге, это начало гражданской войны.

Начиная с этого номера в «Смене» будут систематически печататься историко-революционные воспоминания старых большевиков. В своих воспоминаниях старые большевики будут делиться опытом своей работы, своей борьбы за диктатуру пролетариата. Найдя комсомолец, найдя молодой рабочий должен изучать революционный опыт старых большевиков. Читайте воспоминания, устраивайте на явках коллективное чтение и обсуждение материала.

Песня об Электростроителе

Ф. Канатов

Я пришел на завод, в этот грохот
и дым,

Настойчивым и молодым,
Чтоб в ударные дни,
В штурмовые года
Раскалять о горюх труда.
Я пришел на завод от войны и раз-
рух

С парой крепких увесистых руж,
Чтобы двигать завод,
Чтобы строить страну,
Чтобы песью о победах сложить не
одну.

Я пришел не один,
Нас разнулила полки,
За новиков и молотки,
Чтоб у сварочных ляг,
У электротехней

И работать, и петь горючей
И гремит, как команда,
Бригадир вальцованный бас:
— Мы знаем не уроны, товари-
щи, в грязь,

Нам задача — заливть осветленным
Кубясс,
И ликно в этот славном походе не
слас!

Надо темпы нагнать до огромных
высот,
Надо лать не 400, а 900!
На яде его вспыхнула промислен-
ный шрам,

И глаза засияли залом стальным,
Он становится с дрекью к проекто-
рам,
И бригада ударников — с ним.

В нашем цехе идет трудовая жара,
Только ветры гуляют из-под рух
сласей!

Собираем гражданские проектора
И по качеству душе, и вдвое скор-
рей.

И в то время, когда закипает бой
И растут штурмовые, ударные авзо-
ды,

Нараждаются первые песьи мов
О героих Электростроителе.

**ИМПЕРИАЛИСТЫ
ГОТОВЯТСЯ
и новым нападениям
на Страну Советов.**

ОНИ
ирядуются и нашим
границам
во всеоружии новой
техники.

МЫ ОБЯЗАНЫ
противопоставить им
не голый энтузиазм,
а энтузиазм,
помноженный
на военные знания,
на огневые боевой
техники.

ЦК ВЛКСМ

Рассказ

старого боцмана

Сегодня в доке гостят подводные лодки.

Из дока невидимо выходит вода, и подводные лодки, осторожно нащупывая брехом стая, осаживаются на них.

Около лодок четырехугольными поплавками плавают деревянные бобы. На бобы сидят и стоят подводники с щетками в руках, в сапогах, в трусиках и чехлах — в форме Балтийского флота.

Подводники каждой лодки переминаются на бонах, дожидаясь, когда вода обнажит подводную часть их лодки, и косятся на соленницу.

Между лодками заключено соревнование на скорость и добросовестную очистку подводной части.

Показывается белая крошка ватерлинии. Связу с криками и смехом краснофлотцы накладываются на стальное брехо лодки.

Неприятная на вид слизь — почетный признак плавания — стечет по бортам, гранит воду, руки и головы подводников.

Отсек Бондарь ревниво следит за работой на соседней лодке. Бондарь не обижается, когда чья-либо щетка вдруг обдаст его лицо зеленым и слизью.

Ничего не поделаешь, — горячка.

Подводники соревнуются не только с соседней лодкой, но и между собой — борт с бортом.

На бонах левого борта известно, что правый борт метит в первачи. Левый начинает отчаянно скрести и чистить.

Моторист, комсомолец Петров, работает молча. Ничто не отвлекает его внимания. Руки Петрова равномерно поднимаются и опускаются.

По верхней палубе ходит боцман Оленецкий. Он носит свое грузное туловище легко и побочмановски солидно. Короткие толстые пальцы его рук шеваются. Как истый боцман, Оленецкий никогда, но крайней мере наружно, не бывает доволен работой.

Он косит маленьким, с хитринкой, серые глаза на соседнюю лодку и нарочно громко, как будто ни к кому не обращаясь, объявляет:

— Характерный случай. Дожде шибче у них дело делается. Организованные, чем у нас.

Подводники видят, что совсем не шибче идет дело у соседа, и молча сговариваются «отомстить» боцману Оленецкому.

Как раз вода обьедает полосы горизонтальных рулей, их нужно промыть, и подводники решают отгнаться на них.

Очищая рули, они без нужды часто кричат боцману, стоящему на жесткие лодки у медного колеса штурвала и перекладывающему рули вручную.

— Еще! Переждите влевлю! Товарищ боцман, поставьте в первоначальное положение, еше... еше, боцман!

Толстая шея боцмана краснеет. Во время работы боцман не понимает шуток и добросовестно перекладывает громадные запясти рулей.

Воды в доке все меньше и меньше. Лодки склеи на стаях. Бобы патакуются на них.

Подводники лезут в холодную грязную воду и, стоя по грудь в ней, не снижая темпа, скоблят, чистят.

Мокрый и грязный Бондарь, весело шуршит, говорит:

— Первыми вышел. Очистили скорее и чище. Погляди, какие у них грязные полосы по бонам. Все дело в организации.

Док чист, Гранит его стен влажен и сыр. Лодка надежно встает на стаях.

На палубе все еще бродит боцман Оленецкий, высккивая упущения. Он чьму-то улыбаётся, крупное лицо его блистает от пота, улыбка открывает молодые, ровные зубы.

— Характерный случай, — не большие, а лежимся.

Боцман Оленецкий, Игнатий Михайлович, грузен, широкоплеч и аккуртен в одежде, как полагает моряку.

Боцману почти сорок, но он всегда бодр, весел, по-юношески подвижен. Комсесар лодки часто ставит его в тример молодежи. Боцман никогда не запазывает и частично ворчит на молодежь, иной раз вымоливуюю приказаний не так энергично, как хочет боцман.

Боцман любит рассказывать. Он переговаривает любого. Рассказ его каждый раз сводится к случаю на подводного плавания.

А рассказать Игнатию Михайловичу есть о чем. Царская служба не согула плеч боцману, но украда у него пяток лет и горькую обиды обожгла сердце.

После восемнадцатого года Оленецкого назначают боцманом на лодку.

— Лодку я очень хорошо чувствую. Ее знать, понимать нужно. Когда по-боевому лодка накрепится и на глубину летит... Это характерно. Лицо боцмана снова светлеет.

— А как мы, характерно, лодки в Кронштадт по льду уводили, вот расскажу я вам...

И сообщая подробности небывалого в мире ледяного перехода красных кораблей из Гельсингфорса в Кронштадт, боцман совсем молодеет. Морщины разглаживаются на его лице. Боцман уже не может сидеть на месте. Он встает, раскает луками воздух и ударит кулаком по столу.

— Накануне Брестского мира сильно немцы поднаперяи, а с нами в Ревеле английские лодки стояли. Наши офицеры возмисли с англичанами, как с писавой торбой.

Смотря как-то: англичане свои лодки на середину гавани выводят, — затевают что-то.

Большие корабли покинули Гельсингфорс, ушли в море. Остались миноноски, подводные лодки, — мелкота. На лодке, где я боцманки, было 14 человек, — почти влвое меньше, чем полагалось по штату, — но эти четырнадцать подводников не могли бросить лодку, хотя и дышало холодной тревогой ледяное море, хотя и подхаживали пемцы марш-маршем все ближе и ближе.

Ночью обошела я похолодевшую пустую лодку. И так мне горько стало, нехорошо. «Как же се, — думаю, — можно бросить? И какая же это Советская Россия — без флота?»

Утром англичане приговорили свои лодки к смерти через взрыв.

Начали они врать их. Выблизили по льду на середину моря, зарядили отделение заготовили, да как а-а-ахнут!

Выбежали мы навстр, смотрим — молчим. Офицер, командир наш, стоит. Фуражку снял и истова так крестится. Спрашиваю:

— Что же нам делать?

Боцман подводной лодки т. Оленецкий

Тов. Петров, комсомолец-ударник подводной лодки

Тов. Хвостинев, командир подводной лодки

— Дядю дрянн, — говорит он и все крестится. — Надо и нам к тому же пригтовливаться. Ночью собралась команда решать, быть ли лодке живой. К утру порешили — пробивать но что бы то ни стало к Кронштаду.

Боцман, председатель судебного комитета, разогнал всех по порту искать, не идет ли кто в море и не возьмет ли лодку на буксир.

К вечеру уходила крейсер «Россия». На его просторной палубе мычали коровы, плакали дети, стояли повозки, как нищие зарвав руки-лобам к небу. Немцы приближались.

Крейсер не отстал в помощи. Еле пробиваясь во льду, крейсер потащил лодку за собой.

Вбитый лед забирался на палубу лодки. В 20 мнях от Ревеля матросы сказали — нет! Крейсер тронул, сам вырвался из холодных объятий.

Буксир как огнем пережгло, и остались мы плотомы один, вкованные в лед. Начали было мы кричать крейсеру, но, характерный случай, — не вернулись, сухими дети!..

А ночь, холод бродяжий... Все, что было, на себя навалили. Не помогает, — до желчного пузыря холод добирается. А нас всех несет с лодкой и со льдом вместе в море, без передышки и беспытно...

Ночью не спит наш боцман. Лижет, ворочает, си, хмурится, потом встанет — идет к офицеру. Офицер сидит пожелтевший. В глазах у него обочелость и немое подчинение неизбежности.

— Дядю дрянн, боцман, — сказал как-то офицер, — нас несет на минное поле. Делать нечего, будем умирать!

Заметался боцман.

Ветер переменился, погнал лед в другую сторону. На студеном колючем ветру четырнадцать человек дихородно скальвали лед с верхней палубы. Потом дали ход электромоторам, по две тысячи ампер на вал.

Уперлась лодка острым носом своим в лед, дрожит в промине, мечется, как пойманная рыба, в воде.

В черную ночь полетели в Гельсингфорс страстные призывы четырнадцати к товарищам о помощи. Ушли большевики в Кронштадт, молчал город, без огня лежал у ног германских милитаристов.

Все же протискался лодка через льды к городу. Встаа, измученная, у базы подводных лодок «Европа».

На базе ничего не было. Казалось, люди вышли куда-то и сейчас вернуться. Но это только казалось. — «Европа» была покинута. Куда они делись? Все упали. Разогнали и я ребит. Одних в город — буксир искать, остальные разбрелись по «Европе» — продовольствия ширить.

Вернулись из города полноводки и сообщили, что найдены два буксира с героическими именами «Русан» и «Ястреб» — галопи, никакого во льду движения...

Тринадцать дней мучились мы с буксирами. Тринадцать дней тащили «Ястреб» и «Русан» лодку.

Подводники выходили греться на лед, кувыркались, шли рядом с буксирами, обменяли их, осыпая наскладками малоомощные машины.

Так встретились с главными караванами под Кронштадтом.

— Вот война будет с капитализмом, мы на своих лодочках маху не дадим, до Кронштадта капиталистов не допустим. Вот что изние матросы пишут нам...

Боцман торжественно читает, держа газетную вырезку далеко от себя:

«Товарищам морякам военного флота Советского союза!

Мы, революционные матросы военного флота Швеции, шлем вам товарищеский привет. Пока что мы — еще защитники ненавистного капиталистического государства, но мы идем, — так придет время, когда мы в качестве защитников советской Швеции, над созданием которой мы сейчас работаем изо всех сил, сможем пожать нам руку.

• Когда вы увидите шведское военное судно, то знайте, что есть товарищи, которые с радостью пожертвуют своей жизнью для защиты Советского союза и всего рабочего класса. Ячейка матросов военного флота Швеции.

Боцман аккуратно сложил вырезку, засунул ее в боковой карман своего кителя и змученно посмотрел на окружающую его моголеду.

— А Шель у нас, характерный случай, каждый будет знать, за что дерется. Это же великая сила, — большевистская армия, и никто ее не прошибеши!..

Секретарь комсомольской ячейки подводной лодки Т. Бондарь.

В. Дуров лобовой удар

Обеденный перерыв.
Легучий митинг.
После работы —
Военный поход.
Слово берет
Комсомолец Митин.
Слушает физикутудный завод.
— Ветер насыщен ипритовой мятой —
Идет из Парижа,
Из-за Двиня...
Плохая ромашка!
Значит, ребята,
Должны раскусить мы
Презудорность войны!
Чтоб знать
Многоакуную технику боя
И в бое
Глубой мышенью не быть,
Должны мы
Военные знания усвоить,
Как формулы классовых битв!
Закончил Митин.
Взволнованно вытер
На брови нависнувший пот.
Засекретил решение
Митинг:
— Единогласно — в поход!

II.
Морозное солнце
На хвое полощется.
(Хвоя ливная, рыжая).
Возбужденно звенит
Измайловская роща,
Аккомодируя
Песне дьякинов:
— Пап Пискудский, старый волк,
В разных глазах знает толк.
Но смутить труднейко нас —
Есть у нас противогаз!
— Дядя Сам, как крыса, зол —
Кризис здорово подвез!
«Эх, как бы незахетнее
Подцепить Советино»...
Осторожней, дядя Сам,
Альто ударим по рукам,
А не то — по темени,
Не тратьте даром времени...

III.
Короткий привал.
На-ходу — жеребева.
Делился
На «красных» и «синих».
И вот — «синие»
С пулеметом и винтовками
Уходят в рощу,
Нижелюванную инем.
Ветер тревожно
Шарахнулся в хвою,
Снег расплавляется
Под ногами...
Примам — коммундир:

— К бою!
— Перебежка
Развернутыми ризами!
Я чувствую:
Руки и щеки горят,
А падеж на спуске стывает...

На углу холмишке
Нас ждет отряд
Замаскировавшихся
«Синих»...
IV.
Два раза
Спибали нас «синие»
В пропасть.
Два раза
Отбиты.
Атака.
И залп за залпом
Размеренно хлопал,
А шумелет,
Пронизав нас,
Крыжаль...
V.
No тут явился на шуртку Митин...
— Войлок мы потратили даром.
— Оденеся в гаповое прикрытие
И стукнем «врага» лобовым ударом!

Означен бой.
Подсчитаны «потери».
И слова пельшо
Введет наш затшунт...

ДЕВЯТИГОДНИКИ

Боец первого взвода, пулеметчик Алешкин был мишенью. Он зрелищно стоял на сцене, очень суровый, круглолицый, затвүннутый в новую гимнастерку без скалок, с желтым ярким ремнем, и старался не смотреть ни в какие сапог.

В Алешкина стреляли вопросами. Шел первый бой девятигодники. На скамьях радами сидели красноармейцы, командиры, и каждый из них мог задать любой вопрос по пройденному. По очереди поднимался его товарищ по взводу. Вспомная же, что говорилось на занятиях, в уставах, рекомендованных книгах, они спрашивали:

— Что такое траектория?

— Почему у броневой автомашины не лопаются шины от попадания пули?

— Сколько выстрелов в минуту дает скорострельная пушка танка?

Алешкин тер стриженому голову, выдерживал пулю из пулеметную легку, но не сдавался. С первых дней его учили: класть второй сустав на спусковую крючок, не рвать, жать ровно и твердо. Учить искусство спуска, пулеметчик не ждал и теперь послать ответ за моноклом. Ровно и твердо он отвечал, для чего служит карбюратор, сколько весит винтовка со штыком, называл пулеметские задержки, калибр пушки, бронеизделия.

И наконец, наступил момент, когда задумок. Вопросы были отбиты, разяжены, исчерпаны вспоминая, невозмутимым Алешкиным. Десятником казался неуязвимым. Тогда поднялся командова Мельков. Шпот пробегал по залу и смолк. Алешкин покраснел гуще и стал шепелять губами, раздалась современная мысль командира. Кому, как не Мелькову, знать слабые места Алешкина.

Командова, спокойно распрямив складки под ремнем, сказал:

— Правая сторона машины стоит, как таковая, выше. Куда пойдет снаряд из пушки?

Пулеметчик открыл было рот, но, спохватившись, придержал спусковой крючок-язык. Придержанный ответ оказался точным. Но командир тотчас спросил:

— Ну так. А пуля из пулемета?

Тут ожидался долгое молчанье, неточный ответ, ошибка. Алешкин же ответил неожиданно легко:

— Пулемет— другое дело. Он в яблочке укреплён.

Командир взвода процепывал Алешкина со всех сторон. Он атаковал его с фронта вопросами верхних занятий в автокладе, забирался в дальний тыл первых объяснений, делал легкую рекогносцировку по необязательной литературе. Сказанный потом Алешкин оказался действительно неуязвимым. Десятником сошел со ступенек, громко стуча подковами сапог, застегнутый на все крючки и пуговицы, складывающий торжество.

Командир взвода до сих пор с удовольствием вспоминает этот эпизод.

— Не мог сбить, как такового!

Хорошо «как такового» отвечал не только Алешкин. Призыв 9-го года оказался по общей оценке командира N-ской авто-бронечасты на год выше предыдущих. А складывался эта складывался из повышенного классового самосознания, общеобразовательного и политического уровня, дисциплины и активности. В этом году а часть пришел молодежь, половина которого уже знала и умела беречь автомашины. На сильней бронемашин и танкеток

призывники пересаживались с железных селеса фодолон, из-за баранок амских полудотарюнок. В часть пришли слесари ударных предприятий, заводов-знаменосцев, колхозники, рабочие совхозов.

Неграмотных не было вовсе.

Армия оказалась суровой проверкой для каждого комсомольца. Нужно было оставить у ворот казармы расхлябанность, штурмовую взрешенность в работе, привычку к пазирбратству. Нельзя знать политграмоту «вообще» или винтовку «приблизительно». Здесь требовали дисциплины и точности, несостояющего упорства и инициативы в работе.

Не все вызывало проверку. Армия быстро открыла лицо случайных спутников комсомола. Нельзя было прятаться в казарме, где жизнь каждого бойца проходит на виду. Комсомолец Литвинович знал:

— За ворота выйти, и то у отделекома просись.

Точность, дисциплина, с которыми быстро сжились другие, казались ему невозможными. Он всегда и дома и на работе привык ходить с расстегнутым воротом, командил сам собой. Казарменный распорядок показался ему не в меру туго стянутым ремнем. Лицо индлаудулиста, мешанина, не привыкшего к коллективу, раскрылось сразу в первых его словах и поступках.

Литвинович начал с хныканья против младших командиров, политзанятий, внешней работы и кончил отрицанием необходимости службы в армии вообще.

Когда комсомольский организатор Пучкин говорил о военной опасности, Литвинович кидло морщился. Он считал разговоры на эту тему чем-то вроде чучела, которым пугают малограмотных.

Дисциплинарные взыскания—пороз для каждого комсомольца—Литвинович встречал с легкостью и нагадой усмешкой человека, давно не все наплевавшего.

— Скорее из армии уползи.

Комсомольская организация быстро раскусила Литвиновича. Сказав «а», он должен был произнести «б». Тот, кто отрицает службу в Красной армии, отрицает и то, что защищает армию. Литвиновича на собрании прирели к стене. Он долго дало и вывертывался. Карьерист, шкурник рассчитывал, что комсомольский билет еще пригодится ему после казармы.

С него сорвали маску ударника и выбросили из комсомола.

Новый призыв принес с собой привычку к сработчивости, к бригаде. Недаром с первых же дней три бригады, окруженные солидным активом, оказывают существенную помощь комвзводу: бригада сбережения техники, бригада санитария, бригада по созданию уюта в казарме.

Тогда Сегаль правдан с Трехгорки. Он принес в свой взвод зоркую, трезвую инициативу производственного, дисциплинированность ударника. Через месяц ему поручили проводить политзанятия, через два—выбрали секретарем партийной ячейки взвода. Он не одобрил а подготовку. Сегаль—секретарь партийной, участник конференции, зорко следящий за партийной жизнью, и одновременно боец, имеющий отметку «хорошо» по всем видам боевой подготовки. Он обязан знать и знает одинаково прочно и решения ноябрьского пленума и материальную часть пулемета, так как и то и другое на равных правах входит в понятие «общая подготовка».

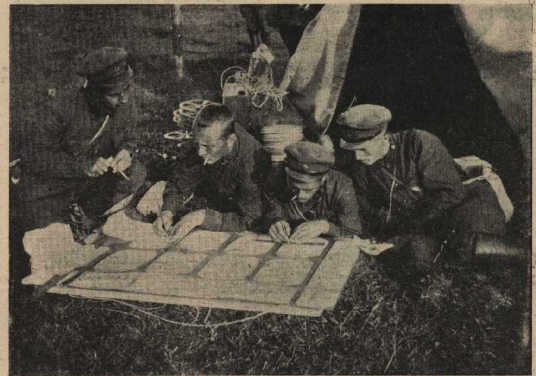
Коммунисты и комсомольцы — Сегали и Алешкины—определяют лицо призыва.

В этом году к младшим командирам реже подходила мелкотравчатая ребята с верном склад гимнастерки на животе, чтобы спросить:

— А что сильнее—танк или броневая паровоз?

— А почему винтовку нельзя кирпичом изжить?

Последний призыв дал людей, которые не плохо знают, из каких частей состоит граната, Мильса, через какое плечо надевают противпа-

Танкисты за выпуском очередного номера стеногазеты

газ и что такое микроток. Эти признаки берут вникнуть так же уверенно, как французский ключ, сперва из рукоятки мотора, берут, чтобы начать посылать гооом, проверивши на ОСОнах тренировка.

— Зигур винтовки состоит из соединительных паяков...

В этом году на штурмовик из старорусских, пятаковомасе с левым лицом «спросить» сколько весит мушкет, посмотрят со списочными недоумением.

В этом году реже, чем в прошлом, самовольные отлучки, случаи пьянства. За проступки молодой отвечает не только перед командиром. Вовод—ударник, и каждая паявка рассматривается как равнина ржавчины в столе у пулемета, как согнутая прицельная рамка винтовки.

Однажды во двор казармы к молодому бойцу Сушицкому зашел брат. За углом казармы братья поздоровались и расняли полулитровку. Сушицкий, красноармеец, стал в строй. Пятак казался тревожным, он делился за товарищей, иногда среди них поддержки, хотя бы сочувствия.

Напрасно. Пьяный боец был омерзитель и нелеп в ударном звезде.

Десятник Зотова также выправило общее суровое отношение звезде. Шесть раз он умудрялся самовольно уходить в город и возвращаться к вечерней поверке. Командир наложил на Зотова дисциплинарное взыскание, но не ограничился этим. Он рассуждал так: красноармеец уходит из казармы, красноармеец слабо интересуется жизнью звезде. Заинтересовать его учебной—значит отбить охоту к самовольным прогулкам.

Зотову удалось привить интерес к боевой технике, к мотору, к книге. Теперь десятник предпочит просидеть выходной день над мотоциклом, автородской брошюрой, чем караулить дежач на тротуаре.

Взвод не терпит отстающих в подготовке. Достаточно десятнику отстать на шаг в строевом деле или по части мотора, как тотчас к нему протягиваются десятки дружественных рук.

Слабым—буксировщик! Над отстающими—двойной контроль командира и взвода! Селитен слаб по общему образованию,—его гнет буксировщик Харламов. Селитнев отстает в политуэбе,—его поддерживает Сетков.

В один гооом говорит об особенностях призыва, комсостав отмечает невиданную до этого гооу гору молодячка к технике, к машине.

«Дело было в 1929 году, в памятные дни авантюры китайской воениции на КВКЛ. Трое китайских офицеров пытались после налета скрыться на автомобиле от нашего отделения. Все трое были убиты, и машина остановилась в степи. Она стояла на твердой, как мотасфальт, промерзшей дороге. Да и без дороги сильней «Мерседес-Бенц» вот гити через казаны селва сопки. Ни одна поля не пронула мотора, ши, веров управления. Но машина спокойно оставалась на ветру. Красноармейцы читались ее заветы. По очереди сидели за баранку, переставляли рычаги карбона скроще, нажимали на педали, раскручивали тугоую рукоятку пуска.

Потом, упираясь плечами в кузов, они покатали машину через степь к поселку. «Мерседес», переключенный в телегу, плелся шесть километров.»

Когда один из десятников, бойцов последнего призыва, выслушала эту историю, он засмеялся.

— Это бывает,—сказал он.—Значит или мотор застыл, или заклинило не в порядке. Хороший мотор с полуоборота заводится.

Он не мог предположить, чтобы среди красноармейцев, возникших в степи над автомобилем, не было ни одного знающего мотор.

Этого конфуза не случилось бы с десятниками N-ской авточасти, будь они пулеметчиками, связистами или поварами. Машину должна знать все без отговорок. Это жестко требует принцип взаимозаменяемости. Если выйдет из строя шofer, машина не потеряет управления,—за руль сядет пулеметчик. Выйдет пулеметчик,—машину поведет первый красноармеец части.

Во всех подразделениях младшие командиры разных специальностей взаимно обучают друг друга. Младший командир шofer Буренок занимается с пулеметником Кокурным. Он рассказывает ему о картравах карбюратора, чем грозит вода, попавшая в бензин, и для чего пишется красный треугольник на правом заднем крыле машины.

И взамен Кокурлов рассказывает Семову и Буренку, что такое кивкальный огонь пулемета, заставляет десетки раз разбирать замок и вставлять круги с патронами.

Английский полковник Фуллер пришел бы в ужас, только до взвод командира Мелихова. Полковник Фуллер справедливо боится передать машину, автомат—пушку, пулемет в руки шахтера, металлста или докера. Дорога своим и хозяйским ядом, он пытается создать армию—авилмуп по размерам—армию летательных, плавающих и плавающих машин, которыми командуют только избранные. Так—в руки сына фермера, автомат—пушку—зачочнику, балсон газе—патриоту—ранте. Ни есть что защищать.

В N-ской авточасти командиры машины Радевич может ответить, сформулировав общую мысль по-английски:

Our principle is to arm working masses with machines!

В авточасти даже повар Юшин—человек, казалось, связанный больше с котлом, чем с блоком цилиндров, не расстается с чертежами и книгами о бронемашине, о моторе. Пока он малоратует, и чертежи доводят его до темноты в глазах, но Юшин—ударник последнего призыва. Он будет знать мотор не хуже других, а пока он ловит товарищей на кухне, в казарме, в умывалке, ловит, чтобы спрыскать:

— Почему выгоднее стартерное зажигание? Библиотека—показатель заинтересованности бойца боевой техникой. Сюда приходит не попросту «почитать вообще», но почитать на любительства первую книгу. Здесь говорят:

— Запишите на книгу «Форд, модель А».

— «Автоцикл» Чудакова еще не взяли?

Половина безудных книги в библиотеке (а книги берут все) спрашивают литературу о бронемашине, о моторе, шасси, магнето.

Десятники быстро овладевают сложной боевой техникой. Но знать только мотор—значит расти слободком. Молодыня вырастает в крепких полоненных бойцов, и слободность отмечена только у однокласс. Ее лечат и общаются устранить к концу второй ступени обучения.

Мотоцикл Голошапов — из слободных. В армию он пошел слободно только потому, что его называли в техническую часть. Голошапов смотрел на армию со своей колокольни. Решив стать шoferом, и непременно московским, он внесла заранее: пулеметчик—связ-

ство намерика не требуется ни в одном из учреждений, зато шofer с руками оторвать.

В свободные часы, когда товарищи Голошапов—комсомольцы—возится над пулеметом, готовится к полтагиванию, мотоциклом Голошапов уходит в город и раскидывает на столе план Москва. Он ездит пальем вдоль хороших тушиков, Маросеев, пересекает площади, скользит по шоссе и в первый же выходной день идет знакомится с улицей, по которой он поедет на автомобиле.

Никто во взводе лучше Голошапов не усвоил инструкции на право езды по городу. Тушибы на любой улице он знает лучше, чем замок пулемета, сигналы светофора— прочие контрольные цифр пятачки.

Как делал раз на полтагиваниях у Голошапов тяжелеет веси, становится козловачной, влоят речь, испаряются мысли. Он не раз сознавался товарищам в курьезе:

— На полтагивайте не уедете—мотор прежде всего.

Мотор угрожает Голошапову Красную Армию. Кисао стучит мотоциклом и на другие дисциплины. Маскировка, баластика для него существуют только постольку, поскольку они числятся в расписании.

Он делал, смотрящий на армию, как на курсы, которые должны подготовит на него шoferа. Мотоциклет пропустил мимо себя первые беседы о Красной армии. Он еще не усвоил истины, что новая техника, мотор поручены ему как мощное средство защиты Страна советом, что политический безоружный красноармеец—влохой боец на классовом фронте.

Голошапов не уйдет из армии слободник,—это обещают комсомольцы. Политическ, личновка, внешкольная работа поставит в его глазах мотор на должное место.

Голошапов бездельничает в виду, но опасен, как всякий делега, бездельничая за форму, отбрасывающий прочь ее социалистическое содержание. Комсомольцы авточасти сумели поставить в центр работы боевую подготовку, дать подлинных первачей учебы. Они должны помочь передаче Голошапов не в шoferа, кое-как знакомого с военным делом, а в бойца, вооруженного боевой техникой, защищающего интересы рабочего класса.

Десятники перешагнули первую ступень обучения. Перешагнули лучше, увереннее, чем прошлые призыва. Командир взвода не называет фамилий ударников—партизцев и комсомольцев. Он молча открывает сводку и подтверждает ноттем графу «слабо». Ее цифры уменьшаются с каждым годом. В 1932 году по всем дисциплинам против фамилий партизцев оно пуста. У комсомольцев скромные цифры—5, 4, 3 прощ; 95—96 проц. комсомольцев удовлетворительно и хорошо выполняют план боевой подготовки.

Первая ступень обучения закончена. Командиры отчетливо видят лицо нового призыва. Оно выросовывается за утренней поверке, на тактических занятиях, стремовой подготовке, внешкольной работе.

Это—энергичная голова тлача-шoferа Сега, упрямый лоб пулеметника Алешкина.

Это—лицо ударников последнего призыва, лицо тех, кто выполняет пятачку в три гооа и смею берет темпы боевой подготовки.

1) Над призывом—вооружить машинной массой трудящихся.

По донесению конной разведки «противник» — на противоположном берегу. Бойцы залегают в рыхлые насыпи снега.

Первый противный треск. Ружейные выстрелы.

Пулеметы бросают пласки свинца. Пулеметчики, замаскировавшись белыми халатами, залегли в снегу.

Бойцы напрягают силу и волю, чтобы встунуться и шагком заставить замолчать спрятавшуюся в лесу силу.

Река связана льдом. Ближе к берегу перекатываются «красные». Глубокий обрывистый снег.

Мысль у командования: «Через ледяной мост в атаку на берег».

Винтовки крепко зажаты в руках. Учащено бьется сердце.

— Для атаки группироваться у противоположного берега! — раздается командование.

В воздухе свист и визг снарядов. На многие зарево взрыва захватывает темь. Рокот прекращается, угасает.

Ледяной мост взрван.

«Красные» открываются в заросли берегового кустарника.

Снежная пыль осыпает кожу мотора. Самолет кренится. Полозня врезается в ровное покрывало снега.

Нет горизонта. Снежная глубина соединила небо и снег. Резкий удар по взраам. Трудно дышать. Чем-то сдавило горло.

— Что это? — кричит Бушевский, выпрямившись в кабине.

Смотрит долгим блуждающим взглядом. Поле, лес. Вынужденная посадка, некоторая беспомощность.

— Среффила... Бушевский осматривает самолет. Все исправно. Где же...

Он цупает металл мотора замасленными руками. Все в порядке. Задача! Он, Бушевский, хорошо помнит задачу, данную командиром эскадрильи:

«Не допустить противника в расположение дивизии».

Эскадрилья за ударную работу имеет благодарности от командования военно-воздушных сил РККА.

Струком поршней мотор развух. Взгляд летел вперед, в бесконечность. На гипнозепе перекрыт душ сознания. Значит... недалеко летят свои, они, как на буксире, не отстают.

Валит, чуть выше горизонта, ширится отрабатывающая металлические мигания, воздушная точка.

— Газ на полный сектор! — командует себе Бушевский.

«Преимущества в скорости и, следовательно, инициатива боя будут на стороне самолета, находящегося выше» — слова наставления.

Сближаются самолеты. Быстро взлетает самолет противника. Вот он бросается на крыло — выраж. Бешеная потона. Сумасшедший рев мотора. Перед глазами прозрачность. Время в воздушном бою нечислится секундами.

Шум моторов. Вот налетает противник... ближе. Как большая рыба плещется в воздухе.

Секунды! Нет, доли секунды! Рука не дрожит, рука плавно переводит регуляторы. Пулемет.

В голове вертится мысль: «Сбить!» Противник идет на снижение, почувствовав свою гибель.

Снова движение по прямой. Ухо улавливает неровное бинение мотора. Нужно что-то сделать. Мотор бьется как в лихорадке, снижает темп поршневых тактов. Взгляд в землю. Земля яркая, снежная. В голове вспышкой мимизуль на посадку. Около леса скользящий силуэт людей.

«Позвать их. А может быть «синие»? Не все ли равно. Помогут отремонтировать. А противник? Условно же... В настоящем бою, не будет усновности».

— Товарищ! Затанная злость на самого себя. Хотелось кричать, вызвать всю эскадрилью. Заключил договор с летчиком Береговым на лучшее сбережение машины, боевую работу. В работе вы-

держал, а машина... Он, Юрий Бушевский, вчер еще кричал на комсомольском собрании об идеальном содержании и сбережении матчасти».

Проходит минута. «Опыт медленно, сонно проходит мысли. Вот он еще «Юрий» на заводе. Отец — токарь, спец, а он, физико-тех, тоже к станку пририваривается. Отец юркины руки привидная к суппорту».

— Крути так так... Мигага связь стальных спирально-свивившихся стружек. Зуд резцов. Шум цеха. Выкручивая нитки гаек, портик.

Когда хорошо исполнял работу, шпыгал между стайков, спедом поднимал голы.

Юрка увался к новому, читал книжки. Особенно интересовался авиацией. Когда стукнуло семнадцат, сказал отцу:

— Хочу быть летчиком. Пугали ребята: — Сверхзвушь, мокрое место останется. — Мушак, и с пелки устралиться можно.

В военной школе летчиков стал другим. Возмукал, поучествовал себя сильным в работе, убеде.

— Телефонграмма? Есть. Прнймаю. Филотесным расплавам строчки.

«Самолетам быть в полной боевой готовности. Особых распоряжений ждять из штаба ПВО».

Федор Львов осторожно кладет трубку. Комнату мягко охватывает электрический свет. Равномерно ударяется матиных часов. Львов метеоролог. Дежурит по станции. Пчелиным роєм гулят приборы.

Барометр показывает ясно. За окном сияня глубина.

Львов переписывает телефонграмму; перо останавливается на словах и стоит точки.

В комнату, окутанную холодным паром, врывается «Пчелка» — моторист.

— Товарищ дежурный, Федя... Принимая во внимание тую бессонную ночь, извещая, что скоро смена.

— Бузиль все... отргизается Львов.

— От Бушевского след снегом замело. Вероятно пробит картечью, не возвращается, хотя уже вечер.

— Брось шутить, дело серьезно. Случилась авария или катастрофа. Бушевский очень аккуратен.

И начальник эскадрильи приказал вылететь двум самолетам с расчета на поиск.

— Парень он прямо огурец с медю... — сказала «Пчелка», усмехаясь. — Жаль такого. Только я не верю, чтобы с ним что-либо плохое случилось.

Утром два звена подыались для боевой работы. Бушевский как образный пилот был назначен командиром одного звена. Вылетели. Дл пять часов никого не было. А вот недавно все остановились на аэродром, Бушевского не оказалось. Федотов рассказал, что видел его машину в воздухе. Вступив в бой, растерялся...

В комнату собираются летчики. Несколько напряженная обстановка. Каждый думает о Бушевском.

— Товарищи, Бушевский хотя и молодой, но испытанный летчик. Если случилась порча мотора, он сплавнует.

— Это не дальше, как над районом боевых действий.

— Если бы начальник эскадрильи разрешил... Тшше, товарищи.

— Сигнал.

— Саушаю. Штаб ПВО. Приготовиться? По тревоге? Есть. Юго-запад. Высота 2.500. Самолеты противника. Есть. — Товарищи!

Летчики, мотористы быстро захлопывают двери метеорологической станции. У ангаров мнуттся люди, в тени самолетов.

За изучением прицельного приспособления

Аэродром снова застучал работой. Летчики, мотористы. Результ моторы. Самолеты вздрагивают. Выпрыгивают и гаснут огни.

«Юрка Богущеский—первач завода. Испытанный летчик. Ударник-комсомолец. Его нет здесь на старте».

«Лялька» мейется у самолетов. Гладит рукой фюзеляж. Проверяет оперение.

Летчики дают газ. Незаюго покатываются, набирает мощности первый самолет командира.

Самолет разгоняется по лучу прожектора. Палозья отделяются от снега.

Самолетов не видно, они ввинтились в даль. Только шум мотора выплескивается в ухо. Пилоты, спрятанные в мех, освещают легки.

«И действительно же, чорт возьми, положение. Нужно что-либо предпринимать».

Бушеский зажигает боковую фару на несущей поверхности. Фара зелеными лучами шекочет снег.

Инструмент есть. Необходима проволока, белт... Вот тебе и швах дело. А вчеря еще один перед подготовкой к отлету говория ребятам,— да разве может случиться что, когда отремонтирована машина. Смеется.

Мысли начинали мучить Бушеского.

«Ребята наверно беспокоятся. Всякие трагические мысли небось. А тут сильнь и ни с места. Досадно».

Бросало в сон, но спать нельзя. Нужно работать, испарить самолет.

«В карбюратор не поступает бензин. Так и есть, — засорилась медная вена».

Воспоминание успокаивает нервы. Только сейчас было так:

Командир дивизии отдаст распоряжение о выводе авиации. Бой еще не утихает, но реку штормов звали «Сосиски».

«Синие» под паролем «стальной» кулака отступают. Бомбардировочная авиация «синих» заделала в тал дивизию. Отряд Федотова разрывал синие тени ночи, быстро прилетел к району боевых действий.

Для борьбы с авиацией «синих» привлекают активные средства—зешитую артиллерию и прожекторы. Ветер зачесывает гребни субурбса. Бой, шум машин, залпы выстрелов. Зенитные прожекторы смотрят в звездную пучину неба, и мерцающая высь наполнена шумом моторов.

Вот луч шуплет небо, осторожно передвигается. Останавливается и гаснет. Как серебряные чайки, в луче — самолеты. Летчики, изваяя машины, стараются вырваться из луча.

— Ниль, чорт, как он вылетел. Нет, голубчик, не усомлешься... Бушеский улавляется этой папражислой игрою. Игров победил.

— А вот здесь спускал...

Теперь... Два волена, облитые бензином, вспрыгивают. Языки пламени бросаются вверх и испуганно вздрагивают.

— Замечат ли огонь?

— Нужно действовать. Решительно, не медля... Скоро рассвет.

Бушеский отключивает бензинопровод.

— Засорился прокладкой. Недомот механика. Хорошо, что так благополучно.

Пот у Бушеского выступает на абу жирными каплями. А винт упорствует.

— Неужели ослабли руки? Голова тяжелая. В горле жарко и больно.

Бушеский дает газ. Самолет вздрагивает. Выстрем кружатся снежинки. Самолет сближается с местом. Сильная галька и воздух. Самолет гудит, плавно покатывается.

На бурный размах снежного поля опускается Бушеский. Пропеллер описывает пугающие круги. Моторист «Лялька» подкачивает к самолету.

Первая песня о ней

Сегодня я
свергающей мыслью
поидит...
(еще темно...
гудок не влился
рык).
Послушайте,
второй
социализма
черновики!
Лежу и тревожусь:
а я-то,
в цифры наметок
вошел
или нет?..
И как детям
мечты
павнут из кроваток,
сердце буравит
обиды гвоздь:
Ах,
почему я
не экскаватор,
забирающий землю
в горсть?
Я бы встал,
повернулся б,
с натуги треща,
и размеривши землю
по клеткам,
я бы тоже
площадку б
тебе расщипал,
о, вторая моя
пятилетка!
Небо в синь,
И высокою снежной горбиной
завиделась Москва
из окошкых оправ..
Ах,
почему это я
не турбина
у высокого гуда
Диспра?
Вот тогда
из меня бы хороший толк:
провода
в далеко простирая,
подавал бы тебе я
сисяющий ток,
о,
пятилетка вторая!
И снова я стиснут
обидой огромной,
И всем существом
тинусь к труду:
Ах,
почему это
я не дозна,
плавающая руду?
Я бы ковковым жаром
дохнул на Тяльбессе
и, гудя
громодаю
этакой,
я бы тонны металла
выдал тебе,
о, вторая моя
пятилетка!
Проткнулся гудок
за окном промерзлым,
это ночь

сторела до тал..
Почему я
родился
не паровозом?
Почему
ни колес,
ни котла?
Через шум лесов
полотно засияло б,
через шестелы
всех
стелей
я бы уйму
строительных
материалов
понавез,
пятилетка б,
тебе!
Я ору:
поступила природа
грубо как!
Ах,
почему это
я не врубочка?
Подошла бы
к забою
силен и скор
и, тяжелый пласт
выбирая,
я бы выгнз
немало черных кусков
для тебя,
пятилетка вторая!..
Но дель
подымается
тысячью ясных
глаз,
и, башку высоко подняв,
я счастлива,
что я —
человек
и участник
такого
счастливого дня.
На рифму — пароль
мне слышится отзыв:
Утренней
этой порой
ребята
у домен,
у паровозов
готовы
к встрече
«Второй».
Я утро вбираю
до капельки
жадно
и знаю,
счастлив я и прям,
что мне,
поэту,
огромное задание
как трактором,
чтоб песней гресела
и вихрилась в марше,
социализм
сотворял,
миру сияя
все ярче и ярче,
она —
пятилетка
вторая!

УДАРНИК ВОЗДУХА

Весной 1929 г. в город Александровск, административный центр Сахалина, прибыла с материка изыскательная экспедиция Народного комиссариата путей сообщения. Целью этой экспедиции в составе 500 чел. являлось изыскание железнодорожного пути из Александровска до города Охе. Было решено построить железную дорогу, пересекающую остров от Татарского пролива (с юга острова) на север до берегов Тихого океана. Участники экспедиции прибыли с материка на одном пароходе, а их имущество, продовольствие и материальная часть следовали на другом. Случилось так, что второй пароход попал в полосу штормов и, несмотря на все старания команды, не мог добраться до берегов Сахалина. Он около двух недель простоял почти в виду высоких береговых скал острова, а когда кончился уголь, был принужден вернуться во Владивостокский порт. К тому же и льды Татарского пролива препятствовали навигации. Льды были гойимы с севера течениями и штормами, и пароход, во второй раз пытавшийся добраться до Сахалина, снова ушел обратно.

Партия изыскателей, лишённая необходимого оборудования и материальной части, была обречена на вынужденное бездействие. Весенние оттепели растопили снега тайги, а люди, вышедшие с материка в валенках, не имели сапог. Не было сапог и в Александровске. Каждый день вынужденное бездействие людей грозило огромными убытками государству и кроме того свалилась работа по изысканиям. Вполне естественно, что местные власти, как говорится, «забили тревогу». По всем крупным населённым пунктам Сахалина полетели радиограммы, и вскоре сапоги нашлись в селе Верещагино, отстоящем на 350 км от Александровска. Но как доставить эти сапоги, когда весёлая распутица превратила немногие тропинки тайги в чью рыхлаю снега. К тому же северная часть Татарского пролива еще не вскрылась и перебраться сапоги морским путем не представляло возможности.

Положение создавалось безвыходное. Была создана специальная тройка. В нее вошли председатель окрисполкома, окружкома и начальник пограничного отряда. В итоге бессонной ночи, когда за окном средня тайга пологая туч показывалась светлеющая свинцовая полоска, выход был найден.

Послать за сапогами самолет.

И когда на другой день в стране материка оказался рейсовый самолет, члены комиссии в перестрелку перемалились, ногами, стоя на снежном самолётном поле. Едва только самолет подулал к апартам, как члены комиссии подбежали к нему и буквально вытаскивали летчика из пилотской рубки.

В pokrтыю меховой кулишки человека, с лицом, закрытым очками, только по росту был узнал летчик Водопьянов. Его лицо было черное от копоти и масла, а обнаженные в удыбы зубы сверкали.

— Это парень свойский, найш,— улыбуился и председатель окружкома.

— Это гасает,— подтвердил начальник погранохраны.

«Вечере ударников гасеты „Правды“ был приврчана латочка отряда „Правды“ т. И. В. В. донхлея. Центральная орган партии, охию работу ударника воздуха по перевозке истрчл пр. доставе его в Марья-инск отряда в Далеко-восточном крае на воздушной линии Сахалин Хабаровск представили награжден к ордену Трудового Красного знамени.»

— Но куда лететь-то, дорогие товарищи?— пытался узнать Водопьянов после того, как снял с себя меховую маску, предохраняющую лицо от резких в этом климате даже весной морозов.

Торопились, наперебой, члены комиссии посылать Водопьянова в подробности предстоящего перелета. По мере рассказа лицо Водопьянова приобретало несвойственный для него серьезный и даже мрачный вид.

— Нет, товарищи, не могу лететь,— твердо ответил Водопьянов, когда начальник погранохраны кочил говорить.

Один из членов комиссии неожиданно хихикнул: очевидно, этот ответ показался ему шуточной, до которых охот Водопьянов.

— Но почему же не можешь?— изумился начальник пограничной охраны.

— Очень просто, почему.— Потому что я убралю самолет в Верещагино.

— Почему же ты убралю?— По тому, что там нет аэродрома: негде спуститься. И кроме того, и не могу лететь в такой рискованный рейс без разрешения начальника линии.

— Ну, это разрешение мы тебе сейчас сложочем.— Степанов,— крикнул начальник погранохраны своему помощнику,— лети немедленно на радио и подай мне всяких очерелей эту радиограмму.

Степанов быстро уехал на собаках в город, на радио, а поздно вечером из далекого Хабаровска пришел ответ начальника Сахалинской воздушной линии.

— Категорически воспрещается перелет в Верещагино.

— Не полечу,— заявил Водопьянов.

Однако на следующий день самолет «СССР 127» летел за сапогами в Верещагино. Расстояние было пущиное: всего лишь 350 км, но разгнущившая пурга сделала этот полет особенно трудным. Немедленно за полдем с аэродрома город Александровск скрылся в жутком мареве пурги. Снег бил по стеклам очков Водопьянова, пурга была, заглушала даже рев мотора. Сильный шквал разгнущившаяся в просторах Татарского пролива ветра бил в плоскости самолета, подбрасывал его вверх и вниз.

«Чудак этот хозяйственник!— думал Водопьянов.— Он воображает, что современный самолет может и сесть и подняться в любом месте. «Лети и больше никаких гвоздей!» А не знает они того, что для правильной работы линии нужны посадочные площадки, аэродромы: нужна служба погоды, предупреждающая летчика о состоянии погоды на пути. Обижается, когда отказываешься,— говорит: «обстановку обижывает».

«Ну, да ладно, раз надо лететь, так надо,— прерывает он свои размышления, а сам еще крепче уцепился за руль самолета.— Как бы не налететь на верхушки деревьев или скалы,— подумал он, с трудом разгнущивая изредка мелькающие в полсе пурги прибрежные скалы».

Несмотря на трудность управления самолета в таких условиях, Водопьянов улыбулся,

Летчик т. Водопьянов

словно вспоминая о чем-то необычайно смешном и забавном. Очевидно он вспоминал, как сегодня утром его вызвали в «комиссию по сапогам» (так успели уже окрестить комиссию) и один из ее членов преувеличенно серьезным тоном заявил:

— Получена, Михайло Васильевич, новая радиограмма. Приказано тебе лететь за сапогами.

— Уж мы своего добьемся,—добавил второй член комиссии и снова хихикнул, как и вчера на аэродроме.

— Ну, неужели получена,— приторно изумился Водопьянов.— Это здорово. Добылся, значит, своего, действительсво. Ну, что же,— лететь, так лететь.

Все переговариваясь как заговорщики, кое-кто улыбуясь и грузно шагали к выходу. Очень ужирка быстро доставила их на аэродром.

И управляя самолетом, Водопьянов улыбуясь, вспоминая свой утренний разговор с членами сплальной комиссии.

С половиной пути пролетелю. В полого снежных туч стало показываться солнце, пурга прекратилась. Слева вырисовывался лед Татарского пролива, сбитый и замороженный в виде гигантских глыб. Внизу под самолетом палили прибрежные скалы, а справа уходила до самого горизонта грязная, с черными пятнами серая тропка тайги. Мотор работает неутомимо и однообразно. Вперед перед посоружим кышом выхаживной трубы подбежались глад пропеллера. Через полчаса зоркий глаз летчика замечает справа в тайге две илы радиостанции.

«Ура, Верещагино!— радостно думает он. Но сейчас же приходит в сомнение: уже кружась над маленьким поселком сред тайги, он убеждается, что сесть негде».

Это обстоятельство и было причиной первоначального отказа от полета. Однако еще в крайнем случае он может сесть на льду пролива. И через несколько минут он кружится долго и упорно над льдом белог береговой полосы, тешно стараясь найти гондюю для посадки площадку чистого льда. Он видит

сверху, как по тропинкам в тайге сдут к берегу люди на собаках и одних упряжках. Боясь, что люди помешают ему садиться, он ускоряет событие и, вывора одну из наиболее подходящих площадок, осторожно подводит самолет и совершает искусную посадку.

Сразу же отлегло от сердца.

В этот же день радист посска Верещагено отправляет радиограмму в Александровск: «Летчик Водопьянов прибыл. Ввиду недостатка транспорта и отдаленности места посадки самолета погрузка сапог задерживается. Вылетит в Александровск завтра». Но, как это бывает иногда с радиоволнами, они не захотели идти по месту назначения. Александровск не узнал этой радиограммы, хотя она была принята в Хабаровске и вручена начальнику Сахалинской воздушной линии.

Он немедленно послал запрос в Александровск с просьбой сообщить, куда и зачем улетит Водопьянов. И эта телеграмма не была получена в Александровске. Вечером, когда сапоги уже были доставлены и погружены в пассажирскую кабину, самолету было поздно лететь. Водопьянов пошел спать.

В домике аэровокзального промислава было темно и тихо, и наш герой улегся на полу, подставляя свою меховую куртку.

Весь этот день и всю ночь на Александровском аэродроме дежурили члены комиссии. Они поддерживали огонь в котлах, надеясь, что летчик приедет. Шли тревожные минуты. Возбуждение рисовало жуткие картины.

«Самолет разбился. Летчик мертвый. Лежит где-нибудь в скалах... или на ледяной провале».

«Напрасно послали его! — жалели члены комиссии Водопьянова.

Начальник аэродрома мрачно расхаживал вдоль ангара. Медленно шло время, самолета все еще не было видно. Предположение о несчастном случае с каждой минутой превращалось в действительность. Когда наступил рассвет, законченные люди грелись у костров, одновременно вглядываясь в тушу, что висела над аэродромом. От костров высоко в небо поднимались столбы дыма, мокрые поляны дров не хотели гореть и только с помощью масла и бензина огонь не угасал.

Сколько поуздни, когда уже была потеряна всякая надежда, а начальник аэродрома стрыл планы посадки спасательной экспедиции, пошлылись шум мотора.

Почти немедленно из облаков показался стремительно несущийся вниз самолет, он словно замедлил свой бег перед землей, и вот уже он на аэродроме. Неспешные все noch люди бегут к самолету, они вытаскивают из него летчика и, несмотря на сопротивление, начинают качать его.

— Бросьте... бросьте, я вам говорю, — кричит Водопьянов, но восторженные люди долго еще его качают.

— Уф... только и мог сказать Водопьянов, когда он снял свою полетную одежду в домике начальника аэродрома.

— Ну, и закачали же меня. Наши кого качать. Меня и в самолете так качало, что до сих пор бьются не могу.

И, глотая горячий чай из оловянной японской кружки, он принялся рассказывать, как делал обратно. На столе стоял чайник и сапоги. Одна пара из тех, что прилетели из Верещагина. К сапогам протягивались руки, поглаживая добротную кожу высоких «болотных» голенищ. Сапоги эти были сейчас не простым сапогами, а особенными, словно дух «истовности» людей, доставших их сюда, овеял сапоги ореолом необычайности.

— Ну, вчера вылететь не удалось. Я телеграфировала вам, почему.

— Не получали, Миша, твоей радиограммы.

— Волна-то, она — дуря, — добавил другой.

— Знаю, знаю теперь... Вылетел, значит сегодня. Едва оторвался с этими самыми сапогами. Сначала полдерогии шел в хорошей погоде. Потом началась пурга, а как кончился лед проианя, то над водой начался туман. Сунулся было к острову, а там так творится, что и не поймешь, где земля, где небо... Сколько ни летано, еще не видел такого пронопада, а главное — шторм. Вернулся к проливу, да и пошел под туманом. Шел, шел, смотрю — начинаю прижимать к воде, то и гляди об воду лыжей чиркнешь. А тогда не видать бы вам сапог, как своих ушей. Целые 100 км шел в такой погоде. Только здесь перед самым аэродромом малость прояснило. Ну и полет! — закончил Водопьянов, смеясь.

Немного погодя он уже работал около самолета, готовясь к отлету на материк.

В это время сапоги были доставлены начальнику экспедиции НКПС, и единственная задержка выезда экспедиции на изыскание железной дороги была ликвидирована.

Только вечером в этот же день Водопьянов прилетел в Хабаровск. На борту самолета находилось двое пассажиров и груз ценной пушны. Тут же на аэродроме произошел следующий разговор с начальником Сахалинской линии:

— В Верещагено летал? — спросил тот, не здороваясь.

— Улетал по твоему распоряжению.

— Никаких распоряжений и не давал.

— Как же не давал, когда мне об этом сообщила председатель окружисполкома.

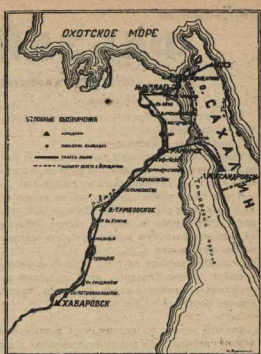
— Не мог он сообщить.

— Что же, я вру тебе. Сам дал распоряжение, а теперь отказываешься. — На лице Водопьянова было написано такое явное удивление, что начальник воздухоплавания продолжал дружелюбно:

— Это недоумражение какое-то... Или вот, что, Миша, тебя они обманули...

— Неужели обманули, — засмеялся Водопьянов, а начальник линии продолжал:

— Смеяться-то хорошо. А вот побыл бы на моем месте. Получаю телеграмму из Верещагина, думаю сначала несчастье, вынужденная посадка. Страшно беспокоюсь. Да, как же, ты полетел в такой рискованный полет! Вез в Верещагине негде спускаться... Как же тебе подняться удалось, да еще с грузом?

Карта полета Водопьянова

Водопьянов смеялся, а начальник линии по-прежнему-то снова изменил тон.

— Ну, смотри, Водопьянов, если еще полетишь в Верещагено, — под суд отдам. — И снова разгорячился:

— Введь мог самолет разбить, угробиться.

— Не разбил же, чего ты горячишься.

— Незлая так, Миша, летать. Ну, ладно уж, что с тобой делать. Сапоги-то — оно, конечно, нужно было доставить.

— А теперь я порадую тебя, — сказал Водопьянов начальнику линии, — за этот полет НКПС платит нам полторы тысячи рублей. Пиши счет и подавай.

— Вот это хорошо, Миша, ведь мы на хозяйстве. А все-таки здорово тебя провели сахалинцы. Никогда бы этого не подумал.

— Медь. Обманули... — загорячился вдруг Водопьянов.

— А как же тогда было дело?

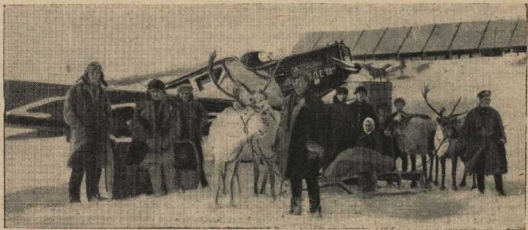
— Очень просто. За сапогами надо было лететь?

— Ну, надо.

— Разрешения от тебя не было?

— Не было.

— Вот я и предложил им обмануть. Пусть скажут мне, что якобы телеграмма поучена с материка. А то — они меня обманули.

Погрузка самолета перед полетом

ФАБЗАЙЦЫ

(Отрывки из повести)

Год третий.

18 сентября. Третий год, Рудаков, наступил, — последний год.

Снова школа и мастерская.

Чортужий! Через год ты уже слесарь. Не давай — подавай, как Дороница, а будешь настоящим слесарем. Понимаешь, настоящий!

А для того, чтобы потом ты не уходил по сторонам, а сразу взялся за дело, — вот тебе как третьегодшника и послал сейчас работать не в свою маленькую мастерскую, а в механический цех завода.

Знакомись заранее со всем. Прикажи загляди к своему исту. Книжки не в школьной картинке, а в рабочем коте. Говоришь, крепче будешь поэтому?

Да!
Все это хорошо, но почему, чорт возьми, нам не дают работы? Три дня на производстве и все они пропиты вуют.

20 сентября. Сегодня второй раз были у звездующего дехом. Обнадежи, покаялся, обещал завтра же всем дать работу.

— Идите, завтра мы что-нибудь устроим для вас.

Но мы не уходили. Михайловский, Илья и я начали настаивать, чтобы он сейчас же отдал работу.

Звездующий снова замолчал, но на его счастье вошел какой-то человек.

— Надо что-нибудь сделать с ребятами, — сказал ему звездующий.

— Пятый день топчемся в мастерской, — вставил Илья.

— Что я с ними сделаю? Некуда их девать. Вот окончится месяц.

Звездующий наклонился к нему. Я подошел поближе:

— ...и расскажи их куда-нибудь, — удивил я конец фразы.

22 сентября. Рассовали.

Утром, как только мы ввалились в котловку, один из мастеров повел нас мимо разметочных ланг.

— Вы чему учились? — спросил он на ходу.

— Слесарить, — нехоти ответил я.

— Ну, так в нас к лучшему слесарю поведе. Будете смотреть, как он работает.

— Что значит смотреть, — сказал я, — ты нам работу дашь. Ладом мы два года учились?

— Работа не вода — в лес не убежит, — отмахнулся мастер, — работы мы вам дадим. А пока несколько деньков посмотрите, как другие работают. Вель я не куда-нибудь вас веду, а к лучшему слесарю мастерской, зеленые ваши годоки. Чем же вы недовольны?

Он повел нас в угол, где валились старые станины и части станков.

— Здесь Колесников? — спросил он у работающего слесаря.

— К чертежнику лаяться убог Колесников, — остановился слесарь, — ошля в черехах набрехали.

— Давно ушел?

— Только что.

— Ну вот что, ребята, — сказала мастер, — мне сидеть с вами некогда. Придет Колесников — скажите, что я вас прислал к нему. Да дружка не валийте, — погрозил он пальцем, — Колесников не любит, что ему мешали.

И ушел.

— А где Колесников работает? — спросил я у слесаря.

Рис. Шульца

— Да тут, — и слесарь обвел рукою весь угол мастерской.

— Как тут, — удивился я, передразнивая слесаря. — Ты скажи, где его верстак?

— Зачем ему верстак? Он и на ладони сделает себе верстак. Колесников — голова, да какал!

А верстак его — вот он.
— Сидит, ребята, на верстак, — сказала я Михайловскому и Клетову.

Мы подошли к верстаку. Инструменты чистые и протертые лежали на нем, как на выставке.

Около верстака стояло в ряд несколько шкафов и на крайнем было выведено черной краской «сей шкаф Колесникова», а внизу — вырезано ножом:

«Прохвост и сукин сын».

Дверь шкафа была приоткрыта. Я заглянула внутрь. На битых гвоздиках в два ряда висели калибры по шихующим размерам. На полочках лежали напильники и ошпиг-трап по размерам и насечкам, отдельно друг от друга. Драчевые и полудрачевые винту, разные на средней, бархатки, кругленькие и трехгранные маленьки — на верхней.

— Вот бюрократ, — сказала я, указывая на полочки Михайловскому.

— Не бюрократ, а порядок знает человек.

— По чудным шкапам нечего даять, — крикнул кто-то сзади.

Мы отпрыгнули от шкафа и оглянулись. Маленький старичок, семеня ножками, подскокши к шкафу и заперл его. Он посмотрел на нас мучными, серыми глазами и, пошпиная редкую, седую бородавку, закатил головой.

— Ну я ну, — говорила его выглади, — как только не совестию вам, ребята, лаять по чудным шкапам.

«Уж не Колесников ли это, — думал я, смотря на него, — конечно, нет. Это какой-нибудь стариканшка, который суется в каждое дело».

— Экскурсия, что ай? — спросил, наконец, старичок.

— Нет, — нехоти ответил Илашка, — одного человека ожидают.

— Кого же это?

— Лучшего слесаря мастерской, — гордо сказала я.

— Уж не Колесников ли? — спросил старичок и подальше вперд.

— Колесников, — сказала Михайловский.

— Уж больно ты лоботингый, — посмотрел я на старичка, — ты лучше нас выбри.

Старичок, видно, хотел бы такти, — и у него на кончике носа висела черная капля, готовая

вот-вот сорваться на реденькие усы. Он вытщил большой, красный платок, отряхнул его и вытер нос.

— Ну что же, ожидайте, ожидайте, — сказал он, пряча платок, и пошел к верстаку Колесникова.

Мы ушли на станину. Я свернула заороненную шпирку и, попыная, начал осматривать цех. Вдаль я увидел отца. Он сидел на верстаке, подложив ногу на параллельные тиски, и докуричал. Через минуту мы встретились с ним взглядами, и он замаха мне рукою. Я пошелся к нему.

— Ну, как, не дают работы? — спросил он.

— Не дают, — нехоти ответил я.

— Ты б в свою ячекку сходи пожаловаться, — усмехнулся он, — ге-ге, да ваша ячекка тоже без работы сидит! — захохотал он, указывая на Михайловского.

— Работать мы будем, — твердо сказала я.

— Будете, — заудалбася отец, — ты вот что, Алешка, я схожу к начальнику цеха и скажу, что я хочу тебя к себе взять. Он разрешит. Будешь со мной работать?

— Нет, не надо.

— Почему? — удивился отец, — разве лучше по мастерской шаяваться?

— Бось, что чулки вещи лобить научуши. Что, — переспросил отец и сила ног с тисок, — что ты скажаш?

— Глухим даявать раз обидно не служат, — спобойно сказа я и пошел к ребятам.

— Что-то не идет Колесников, — поднался Михайловский.

Я посмотрел на верстак Колесникова. Старичок, наклонив над тисками, ошпиная какую-то большую шабу.

— Может этот старичек нам скажет, где найти Колесникова, — указал я на старичка.

— Хорошо, если бы Колесников нас влад, к себе работать, — валохнул Илья.

— Нужны ми ему, как собаке даята нога, — засмеялся я.

Мы подошли к старичку.

— Где нас Колесникова найти? — спросил я у него.

Старичок перестал пилить и обернулся.
— Я и есть Колесников, — усмехнулся он.

— Ты Колесников? — выдвинулся Илья.
— Я, — кивнул старичок и шмыгнул под носом пальцем.
— Нас к вам мастер прислал, — начал Михайловский.
— Зачем? — перебил его Колесников.
— Мы обяснили ему, в чем дело.
— Так, так, — закивал Колесников, — смотрите, смотрите, Я, когда был вот таким сосуноком, тоже в приглялку работал. А можа вам работки дать?
— Дайте, дайте, — загалдели им.
— Рубить вы хорошо умеете?
— Умеем!
— Пилить ты точноно можете?
— Можем!
— Собрать хорошо сможете?
— Сможем!
— С токарным станком незнамо знакомо?
— Знакомо!
— Знаете кто к чему?
— Знаем.
— Ну, сбегайте в кладовую за маслом, — и протянулся нам ведро.
Нашли руки одновременно потгнулись к ведру и опустили.
— Ну, чего же вы стали? Идите! Кладовая направо. Скажите, что наряд у них — она и дадут.
Михайловский взял ведро, и мы гуськом тронулись в кладовую.
— Эй, сосунок! — закричала вследа нам Колесников, — ты иль сюда. Ты тут нужен будешь. И знает мне.
Я вернулся. Ребята остановились и издали поглядывали на нас. Илья же что-то говорил Михайловскому, показывая на верстак. Михайловский крутила головой.
— Вы что в фабзаучке делали? — спросил меня Колесников.
— Сасария.
— Это я уже слышал. Ты скажи, что вы кроме этого делали?
— Не помню.
— Ну, не собак же вы гонили? Что вы еще делали?
— Я учком. В комсомоле веду военную работу, три еще в клубе сасалал.
— Ага, понимаю. Значит, ты комсомолец? А вот этот длинный...
— Это Клетов. Он у нас по деревенской работе списа. А Михайловский...
— Знаю, знаю, — он у нас секретарит. Ну, что ж работки тебе дать?
— Дайте, — умоляюще говорю я.
— Так, так. Ну, пока возьми металл и подмети здесь, а там посмотрим.
Я взял металл и с усердием начал сметать сор в угон. Минут через пять пришел Михайловский и Клетов. Колесников окунул палец в ведро, поволажал и растер масло на ладони.
— Так, так. Молодцы ребята. А ну, поможете-ка ему, — указал он на меня.
Ребята кинулись ко мне и начали приподнимать тяжелые вещи, из-под которых в выметал сор.
— Ну, как? — спросил Илья.
— Ключок, — подморгнула я ему.
— Обещает работу?
— Не знаю, как вам, а мне говорит опреде-

ленно: «Дам работу. В помощники говорит возьму».
— Вы только не бунтите, — зашептал Михайловский. — Он видно добрый старик.
— Добрый, — усмехнулся я, — за эту доброту ему вырезали, выдал что, на шмаде?
— Эй, слесарь, разговаривать поспе будете, — метил, метил — прикрикнул Колесников.
Мы забегали и заволажили быстрее прежнего, и через минуту весь угон был чист.
Я поставил металл и подошел к Колесникову.
— Ну что вы еще дадите делать? — тихо спросил я у него.
— Уж больно ты любопытний, — передразнивая меня, сказал Колесников, — ты лучше нос вытри.
Я схватился за нос. Колесников засмеялся.
— Как ахнетесь, так и откликнется, — сказал он.
Я отошел в сторону.
«Что он мучает нас, — думал я смотря на него, — расспрашивает, что мы умеем делать, а посылает за маслом, заставляет подметать и влобаюк еще насмехается».
Идите-ка сюда, — позвала он нас к тискаем, — ну, начинайте работать в приглялку. Что я делаю?
— Пропаивається канавку в шайбе, — сказал Илья.
— Для чего эта канавка?
— Для шпонки.
— Так, так... А геперь молчите и не дышите. Рукая Колесникова, я сомневался — лучший ли он слесарь и не барахлил ли он вообще? Но через полчаса и смотрел на его руки, как голодная собака на кусок хлеба, и старался подметить и переять у него каждое движение.
Несколько раз я пытался заговорить с ним, но Колесников, посыпавая, работал и ни разу не обернулся а мою сторону. Коричневые капельки набегали у него на кончик носа, мне хотелось указать ему на это, но я уже боялся обидеть старика. И только часа через два, когда прогудел гулос, Колесников, собрав инструмент и положив его в ящик, сказал:
— Ну, ребята, испытание вы выдержали. Схожу-ка я к начальнику цеха насчет нас поговорить. А вечером с Дарочкиным на собрании поговорю.
— Какое испытание? — удивился Михайловский.
— Насчет чего с Дарочкиным? — спросил я.
— Насчет любопытства твоего, — засмеялся Колесников и повернулся к Михайловскому, — австрия вы с каких пор на заводе?
— С девети. До девети в школе.
— Ага... Ну и кройте прямо ко мне.
Что он такое задумал?
23 сентября. С девети мы пошли в механический цех.
— Как, по-таому, что он собирается делать с нами? — спросил я у Илья.
— Драть.
— Чудак, я серьезно спрашиваю — какую работу он даст?
— Вешать заводских кошек.
Илья шутли, но я чувствовал, что он думает о том же, о работе на заводе.

Цех встретил нас по-всечелому — шумом, суетней и четкостью. Колесников возился около верстанга.
— Здравствуйте — вот и мы пришли, — вежливо сказал я, дотрагиваясь до козырька кепки.
— К кому ж это вы пришли? — с улыбкой спросил меня Колесников.
— К вам.
— А что и вам такое? Что это вы все ко мне шлетаете?
— Так вы же обещали нам работу дать и поговорить о нас с начальником цеха, — испугавшись, сказал я.
— Скажи на милость, — засмеялся Колесников, — тебя-то я и не узнал. Уж больно ты вежливый стал!
Я смолчал.
Колесников открыл шкаф и вынул оттуда три рабочих куртки.
— Ну, дозволю шуток — одевайтесь.
Мы в два счета надели куртки и застегнулись.
— Так, так... Начинайте работать, а в обед поговорим. Поднимите суппорт на верстак.
Втроем мы подняли суппорт от старого «Рурсона» и бережно положили его на верстак.
— Вот вам залание — разберите его, осмотрите и вычистите, как надо. Наждак, шабера, ключи и напильники в шкапе. Но, — Колесников поднял палец и погрозило, — не если что изгадите — пеняйте на свою голову. Запорю! Живеем с'ем! С головой и кипшам! Начинайте.
С какии ожесточением мы принялись за работу! Если бы не было ключей, мы отворачивали бы гайки зубами, не было бы наждака — ногтями выскрестили бы ржавчину. Колесников подшаривая подпущинки и ископа поглядывая в нашу сторону. Голову даю на плаху — он был доволен нашей работой.
В обед я спросил у него:
— О чем вы хотели поговорить с нами?
— Махорка есть у тебя?
— Есть.
— Натри-ка мне махорочки — табак свой я дома забыл.
Я с радостью натер на ладони махорки и подставил ее Колесникову. Он забрал ее двумя пальцами и с присвистом и аханием втащил в нос.
— Хорош! — закурился Колесников и шмыгнула пальцем под носом, — ну, вы посидите, а я на скляк сбегаю.
— Подлизываешься к старику, — провожая глазами Колесникова, сказал Михайловский.
— При чем тут подлизываешься, — обиделся я, — ты тоже курю! — он на нас — и «сосунок» и «запорю», а ты ни слова. Тоже, небось, боишься, что от себя погонит?
— Я его за другое уважаю, — сказал Михайловский.
— За что, за другое?
— Он харшый артлеп.
— Он партиец? — удивился я.
— Да еще какой! Завещ, как его в чтекие дозуг? — «Бешеный»!
— За что? — спросил Илья.
— За работу.
«А ведь он и правда как бешеный работает», — подумал я.

Марксистско-ленинское воспитание молодых производственных кадров должно быть тесно связано с их производственной практикой. Только таким путем можно воспитать борца за социализм

ПАРОВОЗ АРЕСТОВАН

(Отрывки из книги „Дорогу — на новые рельсы“)

Павел Паиченко
Стихи Александр Шпирт

Рис. П. Лугина

Из вступления

Живя кочегарской споровкой,
Лицо обжигает шуровка;
Вот-вот загорится спидока...
И Сай кочегару сказал:
— Матеря, скажу без опаски,
Катанье за чьи-то салазки...
И эхон гремели побки
На весь Белорусский вокзал...

И Радин сказал: — Молодыми
Руками дорогу подыдем,
И что дорогой подсудимый,
Товарищи, не виноват.
Что ежели за параллели
Дышла задевают — на деле,
Пившите, что Сай рассли
О выбоинах в аккурат...

Идет к паровозам Андрейс:
Чтоб рельсы равнялись быстрее!
И домкрат вихорюлки бодрей!
И явность двинула степь!
— Потушены топки? Не могут...
Но бусы тушите! Дорогу.
На новые рельсы!
В дорогу железную
Уголь и хлеб!

Гражданни паровоз, вы арестованы

«Фридман» балует.
Саяется трубы.
Поршани качают — повторный ремонт...
Буксы пылают.
А сколько суток
С буксами вместе сгорают...
Одна только С-64.
Десять коробок от букс
Под откос,
Как отработанный пар, пустил.
Только подумать — санит паровоз,
Издали станция вдруг навстречу
Вышла и в страхе шархнула: ох!
Савно салазки,
Вывула по рельсам —
Стоп!
Комсомольцы болели тоже.

Но по-другому:
В ремонтных книгах,
Книгах, наполненных до краев
Все паровозами,
Все большими,
Наши ребята его нашли —
... Буксы заделае...
Злостный штуцер...
Гнусные выбоины —
И вот
Доблестный С-64
Встал перед ними во всем своем
«Блеске»,
«Блеске» блестячек.
Сказали:
«Ладно!
Закрыли ремонтные книги,
И за машинку...

Показания машиниста Сая

...Живя согласно с строгою
морально,
Я никому не сделал в жизни
зла.

Н. А. Некрасов.

Я был на подсудимой паровозе
Как будто... в середине января...
Про злостный стук и прочие курьезы
Не ясно мне... Вернее говоря,
Я ездил до Голицына:
Как с места —
Постукивает вроде.
Погода,
При полном ходе, где-то у раз'еза,
Стук потерялся...
Гражданни судья!
Я думаю, что депо об этом знает...
На кой мне заявлять?
Я — ни на шаг.
Вдруг на Фляхс Михеев заявляет,
Что выбоины — стук — из балдажах...
С Дерюгиным иная габыа выпала:
Преминку он доложил о том,
Что задевают поршневые дышла за
за параллели... Ладно!
А потом,
Гаялнпш, взмзкнсье с того же Сая.
Ведь, стук-то не видно было, да?

А зтот... Ротшильд, ни боата не зная.
От Сая отцепляет поезд...
Ну, что ж? Маневры — я не возражаю
Сказал — пошел. И вся тут недога.
Кому салазки, а катанье Саю,
А Сай-то наш ни столечко не лгаа.
Член суда:
— Вы против обезачки восставали?
Необходимая репанка с места:
— Она ж тебл срамная, не лезла.
Са Я:
— Какое!
Машинистов права ли?
К тому же один, как говорится, слаб...

Две песни

Песня

о правом уклоне помощника машиниста Борумко, взехавшим паровозом С-64 в бок вяземского паровозу С-101-04, вследствие чего безвременно пострадала: обшивка левого цилиндра, трубочки цилиндра продувных кранов, штуцера и др. части, что заставило 166 рабочих часов улететь, как дым, в неожиданный ремонт, причину которого Петрушко объяснил тем, что следила только за правой стороной, где бабы очинали дороги от снега.

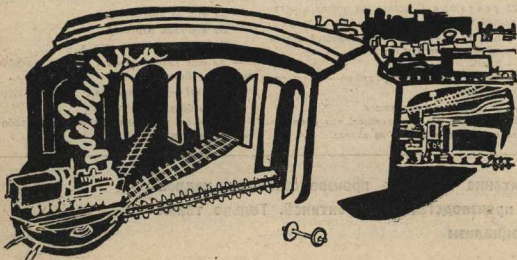
Земля б-ба-бах! — качнулась...
Он все глядел направо.
Куда лезали рельсы,
Он и не лоял, право.

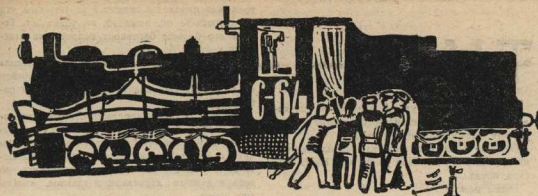
Он все глядел направо,
Где бабы работали,
Счищали снег с дороги,
Смелись в так дале...

Он все глядел направо:
В угробы бабы вязли...
Как мог он знать, что слеза
Шел паровоз из Вязьмы.

В снегу потели бабы...
Пришло на ум тем бабам,
Что малый вел машинку,
Должно быть, по ухабам...

У левого цилиндра
Погнулася обшивка...
А края... а штуцер... будет
Горячая промывка!

Свисти же громче, песня,
Злым паровозным свистом:
Да «славится» Борушко,
Помощник машиниста!

Раз, два — взяли!

(Песня)

Вот промывку ждет О-в,
Поворотный круг жмется,
Предместком идет к брате,
Силу дружную зовет.

Припев:

Раз-два—взять бы!
Раз-два—сильно бы!
Раз-два дружно бы!

Промывальщики бегут,
Машинисты без колец,
Сам Орехов тут как тут,
Тянет песней паровоз.

Припев:

Раз-два—взяли!
Раз-два—сила!
Раз-два—дружно!

И ударники спешат:
Дескать, отдых для станкам.
Надрывается канат,
Паро-оноз и ныне там.

Припев:

При
Технике
Не нужен.

Помните С-64

... Итак, итог:
— Фридан балует?
— Слезятся трубы?
— Поршни качают повторный ремонт?

— Буксы...
Пылают?
Не тут-то было.
Помните дело в депо Ильича,
Скрытое злое лицо обезлички —
Лик Голубовых
На всех путях.
Правых борушек.
Текучих сав,
Как на канаве, промытых судов?
Помните С-64?
Вот он, свища, оставляет сарай...
...
Удаленный стоит диспетчер:
— Что это?
Солнце идет по путям?
Да!
Это С-64
Ныне по новым идет путям.
Да, это С-64
Смазан зоботами новой ездм —
Спаренной!

Примечания

«Садазки» — скопление паровоза по инерции, без движения колес, при неправильном пользовании контропаром — резкой остановке паровоза.

«Шука» — паровоза серии «Ш»,
Башинловка — в депо Ильича, М.-Б.-Б. ж. д.
место для запаса холодных паровозов.

Сай и Борушко — машинисты.

Петрakov — комсар.

Филиппов — бригадир-котельщик.

Радин — монтер-комсомолец, один из инициаторов ареста паровоза.

«Фридан» — смазывающий аппарат Фридмана.

Штупер — часть инжектора, который качает воду из тендеров в котел.

Микеев, Дерюгин — машинисты.
Ротшильд — пом. нач. деп.
Орехов — прелестком.

Голубков — промывальщик, разбиивший штуцер на паровозе С-64.

Комсомольские силы — на транспорт

Каким путем транспорт может повысить свою роль во всем ходе социалистического строительства?

На первом плане стоит дело.

Дело — ведущее звено транспорта. От дела во многом зависит нормальная работа транспорта. Комсомола должен в первую очередь занять это решающее звено. Правильно распорядиться ремонтными бригадами, улучшить работу слесарей, широко применять прогрессивно-премиальную систему, прикрепить слесарей к станкам, перевести станки на хозрасчет — вот что требуется от комсомола.

По примеру комсомольцев завода «Руду-так» необходимо во всех депо организовать комсомольские заледны.

Контролировать соблюдение сроков ремонта, не выпускать на линию паровоз, как говорят сна живильку — задача комсомольских заледны.

Вторая важнейшая задача — спаренная сада. Каждый отремонтированный комсомольской ремонтной бригадой паровоз с первых же дней

не должен ждать обезлички. Каждый комсомольский паровоз должен быть хозрасчетным.

Сквозная маршрутизация — важнейшее звено в бесперебойной работе транспорта.

Комсомола должен добиться быстрого выполнения одного из пунктов приказа наркомта о переводе грузоотделов на 50-60 процентов по сквозному маршруту.

Эти три главные задачи — дело, спаренная, сквозная маршрутизация, — опираясь на 6 указаний т. Сталина, должен быстро и успешно разрешить транспортный комсомол.

Наш самый мощный паровоз серии «Э» может тянуть двухтысячные составы. К сожалению, у нас мало этого «Э», но 100 «Э» равняются 63 «КМ».

Каждый «КМ» («Коминтерн») — новый сверхмощный локомотив, имеющий в длину 29 метров.

Полторы тысячи «Коминтернов» побегут по рельсам к концу пятилетия. Мощный паровоз потянет большегрузный вагон.

А выдержит ли всем знакомая винтовая сцепка вагонов?

Не выдержит.

Кроме того винтовая сцепка увечила ежегодно до 3 тысяч сцепщиков.

Нам надо автоматическую сцепку: столкнутся два вагона и автоматически сцепятся, а стоит только нажать рычажок и состав расцеплен.

Проект такой автоцепки представил на конкурс НКПС комсомолец Миропиничкин.

Автоцепка т. Миропиничкина была испытана и признана самой лучшей из всех известных.

У нас имеется лучший в мире автогормоз Матросова. Теперь прибавилась еще лучшая в мире автоцепка комсомольца Миропиничкина. Уши! паровоз — совсем не экономная машина. Бросьте в толку 50 кило топлива, только 3 кило сгорит, чтобы превратиться в энергию.

В это же время электрическая станция прерывает в полевую работу треть топлива.

Электрификация, к примеру, одной Омской железной дороги (соединяющей Урало-кузнецкий комбинат) освободит 66 миллионов руб. от одного «равнения паров».

Разве не стоит ли за одного этого переодить на электрическую железную дорогу?

„ЛОХМАТКА“

Большим подкуром расположены 18 паровозного депо станции Москва-1. Поздот из-под закрытых дверей выплывающие нефтью рельсы. Крепкие, стальные брусы грубым веером считаются к поворотному кругу.

Забюто кутается в пушистую шубу пара, сползает с круга маленький паровозик №-39.

Сады паровоз подтачивается другой машиной, — сам он не в состоянии добраться до состава, который ему надо вести.

В реальность этого трудно поверить. Кажется, не перед глазами просто одна из картинок «Крокодила».

Машинист Романов, наблюдавший эту сцену, улыбнулся такому сравнению, но улыбка быстро сползла с его губ. Он вспомнил, что к нему только лишь вчера прикрепили №-39. На нем он должен осуществлять спаренную езду.

№-39 была хорошо известна под именем «Лохматка». Худшей машины трудно было найти.

«Дрянной паровозик, — думал Романов — с ним не очень-то поударишься».

Сразу возник вопрос: «А отчего она стала такой?»

И сразу замеслялись в памяти эпизоды ее жизни.

Вспомнились: восьмичасовые опоздания, запыленные машины, отчаянная езда вне всяких правил, частые обрывы поездов, напорывающий рокот форсунок, инжекторов, отказывающихся качать воду, не тормозящие тормоза, долгие ожидания в морозные ночи у закрытых semaфоров и бешеная гонка на уклонках с ревушим систом.

Так садили почти все, никто не чувствовал своей вину, никто за это ни перед кем не отвечал. Тут-то и мелькнул перед глазами красный сигнал — «Стоп!» так больше нельзя. Да это был предел.

Партийные и профсоюзные позвали красный сигнал, перед обаянием закрыли semaфор, обещание противопоставили спаренную езду. Транспорт вступил в новый этап своего развития.

На другой день, рано утром, Романов вместе с машинистом Гаврилушкиным принялся осматривать прикрепленный к ним №-39.

— Понет у ударики, — поспеивались проходившие мимо рабочие, — на локомотив свой никак не залобуешься?

— Что ж, машина, что надо, на ней хоть за черепаками гоняться, — добавляли другие.

— Вот ты, браток, на этой качке рекорд поставь, а на хорошей-то всяк сумеет, — сказал Романову бородач, шелкнув пальцем о помятый бок булки.

На машине лежали еще нетронутые пластины грязи. В течение восьми часов скопились машины многоузданной парост.

Работала молча. Каждый по-своему зашевелил факты, каждый по-своему пытался заглянуть в будущее.

— Эй, соколик! — крикнул веселый парничок с оседевшего паровоза, — скорость-то вашей «Лохматки» в метрах что ли измеряется?

— Саво нет, дрянная машина, — сказал Романов, обрившись к Гаврилушкину, — но мы еще поспеем, мы еще потаегаем!»

— Правильно, Романов, — воскликнул Гаврилушкин, стискивая гранную руку Романова, — правильно, мы эту развалюху поставим на ноги.

Тяжело ложился удары молотка на заржавевшие гайки, извлекала дребезжащие звуки. Ремонт работ подлигался вперед.

Первым с машины поехал Гаврилушкин, а на другой день Романов узнал, что №-39 бригада поехала...

Снова ремонт...

Тщательно просматривались и чинились бусы, тормоза, золотники, и все же после каждой новой поездки оказывались новые дефекты: если начали снова работать тормоза, то текли дымогарные трубы, или наоборот.

Медленно осыпалась с машины перхоть бездельнички.

18 февраля была конференция деповских рабочих и парбригад ст. Москва-1 Курская. Стоял вопрос о заторовых паровозах.

Говорили долго. Кричал голоса от длинных, красных ресей. От горячих доводов и убеждений становилось жарко.

В прениях Романов поставил вопрос об оставлении парбригад во время ремонта на паровозе.

— Товарищи, — сказал он в заключение, — от имени спаренной бригады паровоза №-39 даю слово, что мы выведем «Лохматку» в первые ряды.

В резолюции выпукло стояли слова: «Транспорт — большое место, транспорту нужны здоровые люди».

Весь февраль №-39 не столько ездила, сколько ремонтировалась.

В саде, зимние ночи, когда в будке машиниста пахло оттаявшей нефтью и жареное лицо от близости котла, машинисты пытались мечтать о хорошем паровозе.

При первом же дождиком выходящим через предельные клапаны отапливать и внутри большого и горячего тела паровоза, обрывалась мечта, и мысль перекладывалась в действительность.

«Мы дали обещание...» — думал Романов.

«Когда победим, когда вылезем из этих бесконечных ремонтов?» — думали в его бригаде.

Мысленно просматривала бригада каждую деталь, каждое крепление. Казалось, что все исправно, все на своем месте. Но было несомненно, что где-то есть изъяс, что какая-то гайка не закреплена, какая-то трубочка имеет трещину.

За одним тускло блестящим, освещенным лучом лампы, таял снег, пласты снега. Рука ноздри острый запах зимы... Под тяжестью машины вздрагивали прозябшие шпалы.

Март был объявлен конкурсным.

Как-то незаметно №-39 выбралась в первые ряды и завоевала авторитет. Не одну бессонную ночь провела спаренная бригада, прежде чем смогла добиться такого успеха. И вот, когда машина заработала нормально, — сразу появилась смелость и уверенность.

— Вот что, Романов, — сказал Батышкин от имени спаренной, — будешь у нас паровозным директором. Ступай просить, чтобы нашу «Лохматку» перевели на хозрасчет.

Поднимаясь по лестнице в парток тага, Романов сосредоточенно думал о принятом им решении.

Утром он еще несколько раз тщательно осмо-

трел свой паровоз и пришел к заключению, что на хозрасчете он, пожалуй, не подкачает. Теперь его больше беспокоит вопрос, как отвести к этому бригаду.

Серьезно ли задумала она это дело, зависела ли все трудности, или просто решила перейти на хозрасчет под впечатлением недавней победы.

Романов старался припомнить интонации голоса Батышкина, когда тот передавал ему решение спаренной, чтобы хоть по этому заключению о его валах. Знал Романов, что Батышкин хороший и серьезный машинист, но ведь и дело-то серьезное, а главное, совсем еще новое.

В партке обрadowались их решению и обещали, как можно скорее оказать этому делу помощь.

И вот паровоз перешел на хозрасчет.

— Теперь у нас, товарищи, есть договор, — говорил Романов на собрании спаренной бригады, — мы должны за апрель сделать пробега 3.500 километров, рабыли на 100 километров — 7 р. 86 к. Расход смазки на 1.000 километров — 8 р. 50 к. Это наше задание, в эти цифры мы должны уложиться.

— Интересную штуку задавали, — заметил машинист, — на хозрасчет, стало быть?..

— Жалко мне вас, ребята, — перебил один из бригады, — бились, бились, выходили «Лохматку», и вот теперь за такую идею беретесь. Докончите вы ее...

— Экономить будут, — сказал бородач, — они паровоз нефтью-то обирать не будут.

— Не будут, бати, это ж расход. Они слюнями оботрут.

— Эка-сорочка, — сказал высокий мушкетер в кожаной тулупе, бери бородача за плечо, — что ты, голубчик, калякаешь! А я вот тоже на хозрасчет собираюсь. Понят?

— Верно, дядя Ваня! — взвонил, на все дело, крикнув фабзач, — раскаркалось наше старичье, как что новое — так они сразу на дыбы.

И в апреле победа была окончательно закрепилась. Опасения Романова оказались напрасными — спаренная бригада, не менее чем он, серьезно решила исполнить обещание, которое она дала.

Вид машины почти не изменился — ее внешность не внушала доверия.

Победа не запечатлелась на поверхности паровоза. Победа была внутри механизма «Лохматки».

В будке машиниста попрережму пахло нефтью. За одним отсветала стена. Заливая назначенную арматуру солнечный дневен. Как брызги расплавленной меди, прыгали световые зайчики по обозначенным лицам паровозной бригады.

— В прошлом месяце у нас переберугов было качество 1.700 километров? — спросил Романов у помощника.

— Нет, 1.775 и 5.212 килограммов экономии топлива, — ответил помощник, улыбаясь, как мог забыть Романов 75 километров.

Встречный ветер срывал у самой вершины паровозной трубы густой черный дым и стелил его по зеленой степи вершины. Такой черный дым бивает при неперомальной работе форсунок.

Форсунка сейчас же регидуровалась, — липкий киограмм нефти прилипнулся к обшей сумке экономии топлива.

И эта маленькая количественная победа становилась решающей в борьбе за качество.

15 мая №39 стала на промывку. На другой день утром Романов увидел свою машину в подом одиночестве.

— В чем дело, почему не ремонтируют? — обратился он к мастеру.

— Некому ремонтировать, все ребята заняты на горячих паровозах.

«Как же быть?» — думал Романов.

Несомненно, что машина своевременно из ремонта не выйдет.

Раздумывая, Романов комкал грязную толчею. Было какое-то странное, давно забытое ощущение, как будто сидел он в школе и делал зачетную работу по арифметике. Сейчас будет звонок, все ребята сдали тетради, а он тщетно пытается припомнить так хорошо знакомые и неожиданно забытые «дважды два». Это чувство, пережитое около двух десятков лет назад, с необычайной яркостью ощутил он в эти короткие минуты размышления. Точно так же, как и на школьной скамье, вздрагивал он от резкого звука звонка и неожиданно вспоминал, что «дважды два — четыре», так и теперь вспомнил он, что немедленно надо бежать к секретарию комсомольской ячейки.

С силой распахнул дверь. Тяжело уперся грязными руками в стол.

— Ребята, ведь вы же энтузиасты, чорт вас возьми! Понятно?!

— Не сосем.

— Пропью у меня... «Лохматку» некому ремонтировать.

Через полчаса на машине работал 4 слесарь-комсомолец по главе с секретарем ячейки. Паровоз был выдучен в срок.

Прошло несколько дней.

«9.529» кусочком мела записал старик-машинист на законченной обшивке паровоза, — результат только что сделанного вымчеления.

— Как будто правильно... — вслух сказал он.

— Что правильно-то? — спросил старый машинист Иван Антонович.

— Вот это самое... — говорил он, указывая на производственную сводку, — 9.529 килограммов нефти сэкономили ребята. Выходит, что можно...

— Ничего не выходит. Со своей «Лохматкой» Романов только пыль в глаза пускает.

Грязными концами машинист Иван Антонович вытер цифру 9.529 так, что осталась только двойка.

— Это, Антоныч, неважно, что они пыль пускают, а ты вот пар пускаяешь, — тной «спасфика», как в дымовой завесе. Ведь тебе гайки лень закрепить, а других критиковать берешься.

Старик говорил уверенно и, не глядя на сводку, приписал в оставшейся на обшивке двойке 65 руб. 60 коп.

— Это у них экономия по ремонту 265 руб. 50 коп. — понятно.

Иван Антонович молча отошел от своей машины, медленно взобрался по грязной лестнице, открыл окно будки, высунулся в него до поло-

випа, козырьком приставив ладонь ко лбу и подмигнув рассматривая старика-машиниста. Умышленно слышным голосом произнес:

— А вы, дорогой товарищ, на хозрасчет думаете перейти?

— Перешел уже.

— В герон, стало-быть, метине.

— Дурак ты, Ваня... — беззлобно сказал старик. Остальные слова его растворились в рокоте неожиданно заработавших предохранительных клапанов в машине Ивана Антоновича.

— Был в красном уголке на производственном совещании, — говорил помощник Батышкина, высовывая голову в окно паровой будки.

— Был, говоришь, ну, что там? — спрашивал Батышкин, дергая рукоятку свистка.

— Я вместе с Романовым был, там наши машинисты администрацию крылы за плохое исполнение ремонта.

— Ну, а Романов что же?

— Романов сказал, что надо ремонтную бригаду заинтересовать своей машиной, да и самому присутствовать при исполнении ремонта Ты ведь знаешь, как это у нас делается.

— Верно, — сказал Батышкин, расстегивая ворот рубашки.

Помощник закрыл конус.

С вибрирующих стенок медного свистка сорвал ветер хриплый звук и бросил его на конец поезда. Где-то позади таял грязный хлопкок пара, запутавшийся в телеграфных проводах.

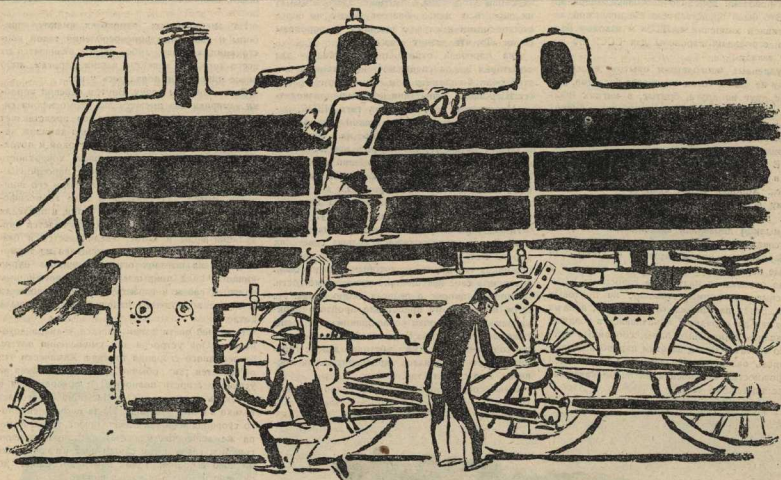

Рис. А. Носкова

Ремонт паровоза. Депо Москва-II

Борьба с обезличкой и уравниловкой, переход парбригад на хозрасчет, — вот за что дерется комсомол на транспорте, выводя его из „узкого места“ нашего народного хозяйства.

ТЯЖЕЛЫЕ-СВЕРХОМощные

Технический очерк

Ка-ра-ш!

— Войдет...

— Нет, не войдет. Не влезет в ворота.

— А может проедет!

— Нет, не проедет. Не для такого чудовища строили...

Но оно прошло. Тяжело дыша, чудовище медленно перелезло через порог и, фырча и отдуваясь, двинулось к своему огромному стовалу.

Дело происходило в депо Октябрьской ж. д. Чудовище было мощным американским паровозом, невзрачным на советских путях величина и внешности.

Из далекой Америки в Ленинградский порт прибыло 10 таких великанов. Они пришли в разобранном виде. Котлы были укреплены на рамах временных ботинок. Детали дымовых коробов, поддувала и сотни других больших и малых, сложных и простых частей были старательно упакованы в отдельные деревянные ящики.

Спуск огромных стальных пассажиров с парохода на берег и сборка невзрачных машин были первыми серьезными испытаниями для советских рабочих и заводских чудовищ. С паровозами пришлось несколько американцев. Это были представители американской колониальной кампании «АЛКО» и заводов Баудина, строивших паровозы для СССР по нашему заказу.

Умудренные многолетним опытом, видевшие сборку не одной сотни паровозов-гигантов, походя друг на друга, британе, в мягких шляпах, пуловерах и широких штанах, американцы, скептически поглядывая на портовые сооружения, на рельсы и на советских людей, говорили:

— В Америке каждый такой паровоз собирается в 31,5 часа. Но это в Америке. Здесь же... у нас... Хорошо будет, если удастся осилить сборку всех паровозов в... 500 часов... впрочем... попоробуйте... «одогать и перенять»... с умывалой добавлял американцы.

Паровозные краны крепко подхватывали черные паровозные котлы, сжимали их с рам и нежно опускали с палубы на двоящиеся четырехосные платформы, стоявшие на портовых путях. Затем платформы откатывались, а на их место тем же порядком, покачиваясь в воздухе, опускались паровозные рамы, собранные вместе со скатами. Вслед за этим паровозные краны вновь овладевали котлами и с величайшей осторожностью переносили их на подкатные башки экипажные части.

В этот момент американцы терпели свое хаотичное и обуржуазившее приказы заметного волнения: опускание котлов требовало максимальной точности, и малейшая оплошность могла привести к серьезной аварии.

Однако спуск произошел вполне благополучно, и один из американцев, одобрительно улыбаясь, громко произнес первое услышанное им на Советской земле, горячее слово:

— Ка-ра-ш!

Так закончился первый этап сборки. Рабочие Пролетарского паровозостроительного завода бросились в бой за преодоление второго, не менее важного, этапа: сборки и крепления десяти сложнейших машин. И тут американцам пришлось узнать нечто еще более горячее советских слав:

— Темпы. Соревнование. Ударили.

Первый паровоз собирается 16 час. Второй — уже 22. К шестому подходят с 31-часовой нормой. У американцев вытягивались лица и округлялись глаза.

22 октября 1931 г. сборка была цепким закончена. Американцы похитчили и убедились: советские рабочие «приняли к финишу на 137 часов раньше, чем это принято на родине десяти «Санто-Фе» и «Техасов!» Так называются паровозы этого типа в Америке. Здесь, в СССР, их окрестили менее благозвучными, но более подходящими к случаю именами — паровозы серии «Т», что значит «тяжелый».

Два паровоза отправились в Москву для испытания их на специально выделенной для этой цели 6-километровом Бутовском колее (ст. Штершбка). Испытания, которые производителем Институт реконструкции тяги НКПС, нулями потому, что паровоз такой мощности и величины впервые появились на советских стальных путях. Нужно изучить все их достоинства и недостатки в кратчайший срок, чтобы определить окончательно, какими должны быть мощные советские паровозы.

Восьмь паровозов отправились на Екатеринбург ж. д. на «постоянную» работу.

Пройдут ли стальные великаны по нашим путям? Выдержат ли их тяжесть рельсы советских дорог? Вот вопросы, волновавшие железнодорожников тех дорог, по которым должны были совершить свое путешествие чужеземные гости. Впрочем, вопрос о рельсах скоро отпал. На пути, по которому предстояло пройти американцам, были почти «сплошником» уложенные тяжелые рельсы, типа П-А, способные выдержать проход паровозов. Хуже обстояло дело с габаритом. Тут требовалась предварительная проверка. Это сделали так.

Были собраны две рамы, точно соответ-

ствующие габариту «американцев». Рамы укрепили на моторных дрезинах, которые совершили пробную поездку как «раведчики» мощных паровозов.

Результаты разведки оказались такие. В некоторых местах пришлось снести путевые столбы, свободно пропускавшие самые большие советские паровозы, но мешавшие проходу американских. На нескольких станциях пришлось срезать саником выступающие борта стационарных платформ. Под Тулой пришлось значительно усилить мост, угрожавший обвалом под невнячной тяжестью. Так подготовили маршрут «американцам».

КОРОТКО О СВЕРХОМощных

До прибытия новых паровозов самими мощными на советских путях считались паровозы серии «Э». Преждежде стальные силовые отодвинули «Э» на второе место. Да так отодвинули, что между ними образовался интервал, гораздо больший, чем между «Э» и теми паровозами, которые до серии «Э» гордо гуляли чемпионскими силой и быстротой по стальным путям.

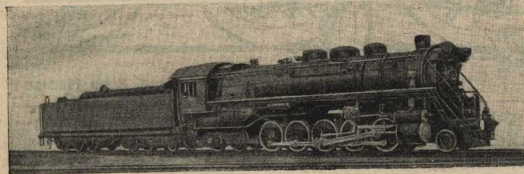
Чтобы питать мощность сверхмощных великанов-паровозов, нужно немало пара. Тут необходимы котлы огромной паропроизводительности, имеющие большие испаряющие поверхности.

На американских паровозах имеются приборы и различные приспособления такой конструкции, которая либо резко отапливает от всего того, что известно нашим дорогам, либо вовсе никогда не появлялась у нас.

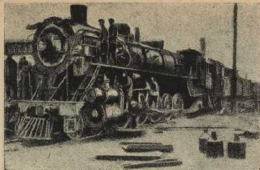
Вот хотя бы топку. Внутри огненной коробки американца имеются два термосифона системы Никольсона. Термосифон представляет собой нечто вроде металлического кармана, который вращает сварен электросваркой и толкает огневой коробки. Увеличивая поверхность нагрева, термосифоны повышают паропроизводительность котла, а следовательно, и его мощность. Котел, так сказать, в виде термосифона вторгается в самое нутро топлы, в предельно наиболее высоких температурах. Улучшается циркуляция воды в котле. Увеличивается и безопасность котла. Вытекшаясьивающаяся на термосифонах на поток огневой коробки бурно кипящая вода покрывает поток постоянным водяным слоем и гарантирует его от поджога в случае возможного падения уровня воды в котле.

В задней части топлы имеется «камера догорания». Она устроена для уменьшения потерь от неполного сгорания топлива. Химически это объясняется так: обычно углерод топлива не успевает сгореть полностью и превратиться в двуокись углерода (СО₂). Частично он сгорает только в окись углерода. Из-за такого неполного сгорания паровоз недополучает тепла. Камера же догорания удлиняет путь прохождения горящих газов и тем самым дает им время для полного сгорания. Таких камер догорания до сих пор не было на наших паровозах.

Топочные двери открываются механически. Надо только для этого дернуть палач ногою педаль, и двери тотчас раздвинутся вверх, удерживаемые паром или скатым воздухом. Это — двери системы Франклина. Но не подумайте, что двери надо открывать для того, чтобы когетар мог ежесекундно подбрасывать в топку новые запасы угля. На паровозах серии «Т» когетар и вовсе отсутствует!

Американский мощный паровоз ТА 1-5-2

Постройна „ФД“ на Луганском заводе

На первый взгляд это кажется невероятным. Как можно обойтись без когачера при наличии огромнейшей точки и невероятного аппетита у паровоза, пожирающего в час больше 3 тонны угля!

Даже в том, что забросить в топку американская ручным способом столько угля, сколько требует его несамый аскетичный, и равномерно распределить топливо по территории трехметровой колосниковой решетки человеку физически невозможно. Поэтому и в этом случае пришлось воспользоваться тем, что делают во многих других: заменили человека машиной — механическим когачером, стокером, тоже впервые появившимся на наших путях.

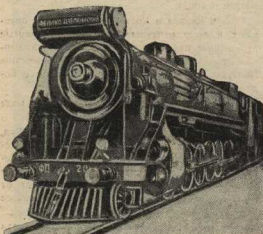
На осях передней тележки тендера находится добавочная паровая машина — «бустер». Она выключается только на трудных подъемах, при разбеге и при торможении с места. При этом она прерывает две передние сцепные оси тендера в самостоятельную ведущую ось.

На одном из американцев устроен автоматический сигнал, который предупреждает машиниста о падении уровня воды в котле ниже нормы. Когда это случается, полковок, находящийся в котле, захватывает приспособление для открытия клапана и открывает его. Раздается громкий, тревожный свисток.

Турбогенератор, установленный на паровозе, питает электростанцию осветительную сеть в будке машиниста, яркой проектор на буферном бруске и сигнальные фонари.

«Американцы» имеют еще одну особенность, резко внешне отличающую их от наших старых локомотивов. Это — сцепка.

Спереди и сзади, вместо нашей старинной слабой ручной сцепки, укреплены автоматические сцепки системы Джинса. Для сцепления паровоза с вагоном при такой сцепке не нужны люди. Паровоз подходит вплотную и вагоны, автоцепки прижимаются одна к другой и при этом сейчас же прочно сцепляются.

Мощный паровоз 1-5-1, выпущенный Луганским паровозостроительным заводом

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Десять американцев, вступивших на советскую землю, — только первые посетители. Вскоре, вслед за ними, сотни и тысячи стальных колесиков пойдут по нашим путям, всевыми свистами возвестят начало новой эры на советских железных дорогах, — эры сверхмощных локомотивов.

Какие условия призвали «американцев» заменить наши старые машины, многие годы не боявшиеся никакой конкуренции и полностью удовлетворявшие потребности страны?

Эти условия — условия социалистического строительства.

Поставленная партией задача в десять лет обогатить в технико-экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны — на пути к выполнению. По всей социалистической стране раскинулись новые мощные гиганты индустрии и фабрики зерна.

В зорота строек и заводов вывалились и оттуда уходят по всем направлениям многие сотни тысяч и миллионы тонн разнороднейшего груза. Они растут с каждым днем. Их нужно вовремя распределить по всей огромной Советской стране, чтобы не сорвать социалистического строительства. В этом — задача железных дорог.

На XVI партсъезде было констатировано, что транспорт грозит превратиться в узкое место народного хозяйства, тормозящее его развитие. Транспорт не справился с огромным потоком грузов, хлынувшим на его пути. Транспорт не успевал их перевезти. В красной системе страны, где железные дороги служили стальными артериями, наступили опасные перебои.

Партия и правительство решили: чтобы вынестись ж. д. из «узкого места», надо изменить вперед дело их реконструкции. Надо изменить устаревшую техническую базу транспорта волею, более мощной, чтобы справиться с бурно растущим грузооборотом.

Сверхмощные паровозы призваны сыграть тут исключительную роль.

Первые испытания «американцев» на Екатеринбургской ж. д. в достаточной степени показали. На участках с труднейшим профилем пути они тащили составы весом в 1.600 тонн со скоростью 45 км в час! Обычно на этих участках наш прежний чемпион «Э» полз со скоростью вдвое меньшей, имея за собой состав всего в 1.350 тонн весом.

Но на этих же испытательных «американцы» резко вытеснили по рельсам составы и в 3.000 тонн! Но и это пределом считать нельзя. Мы еще не научились использовать до конца огромную мощь «американцев», не умеем как следует управлять стальными слугами. Это — задача наших наиболее загруженных линий главного поезда, грузы потекут быстрее и без опасных перебоев.

«Американец» давит на рельсы тяжестью в 23 тонны на каждую свою ось. Это — предельная нагрузка, которую могут выдержать наши самые тяжелые рельсы типа П-а. Если бы мы выбрали для нас еще более мощные паровозы с нагрузкой в 30 тонн на ось и больше, пришлось бы произвести колоссальные затраты на сплошную замену наших рельсов. При паровозах с нагрузкой в 23 тонны на ось это придется продавать частично.

СВОИМИ РУКАМИ

«Железный Феликс»

Впрочем, только ли «американцы»? Превзлет из-за границы хотя бы и самые мощные

машины — это не значит еще полностью обладать техникой этих машин. Научиться строить эти машины на советских заводах — вот ближайшая задача. И мы учимся. И скорее-уче-нее изучимся.

Рабочие Луганского паровозостроительного завода вступили в «соревнования» с фирмами Балдуни и «АЛКО». Об этом едва ли знают «потомки» американские капиталисты. Но вскоре узнают и... едва ли обрадуются.

На красной доске соревнований луганцев с мастером Балдуни и господином из «АЛКО» XIV годовщины Октября было записано:

— На советском заводе советскими руками построен первый сверхмощный советский паровоз!

8-10 месяцев — вот нормальные сроки постройки таких паровозов на заводах Америки. 100 дней — вот в какой срок был построен мощный красавец «ФД» на Луганском заводе.

«ФД» — это значит «Феликс Джерзинский». Так решили луганцы назвать первой советский сверхмощный паровоз. Вот краткий перечень достоинств «железного Феликса».

Перевоз сверхмощного сверхмощного паровоза везет около 134 тонны. Сила тяги его составляет 20.000 кг. Давление пара в котле — 15 атмосфер. При движении на 9-тысячном километре со скоростью 15—16 км в час «ФД» сможет вести тяжелые поезда весом в 1.700 тонн. Паровоз серии «Э» на том же поезде может вести поезд весом в 1.400 тонн со скоростью 10—12 км в час. Значит, новый паровоз увеличит пропускную способность труднейших участков почти в 2 раза.

Каждая ведущая ось «ФД» имеет нагрузку в 20 тонн. Его колесная формула — 1-5-1: один бегунок, пять сцепных осей и одна поддерживающая.

История постройки «железного Феликса» — история большевистских темпов и героического удараного труда.

Работа была копированная: часть ее взяли на себя рабочие заводов: Коломенского, «Красного Сормова» и Ижорского.

Когда Коломенский завод сообщил, что заказанные у него цилиндры он не сумеет вовремя отлить, в Колыму был делегирован луганец, лучший ударник-рабочий Овчинков. Он взбудоражил всю заводскую общественность, помог применить сменно-встречные планы, и цилиндры были отлиты на месяц раньше назначенного срока!

Луганцам пришлось впервые строить котел для «ФД» такой величины и конструкции. Это была труднейшая и серьезнейшая проблема. И, однако, эта проблема была луганцами блестяще разрешена.

Довбин, Колосников, Бугаев, Стеценко, Гончаров, Маслов, Дудин, Шевченко — рабочие котельники; Шолин — помощник начальника котельного цеха; Фролов — начальник котельного цеха — вот кто работал по нескольким сменам под рад, увеливая своим героизмом и всех остальных.

А прогосник Роснинский, 8 дней беспрерывно проводивший у котла, показал недавними образами социалистического героизма. И десятки других героев-ударников с боем брали твердые американской техники, техника постройки сверхмощных стальных коней!

Выпуск «ФД» — только первая серьезная победа. «Железный Феликс» — тип паровоза, переходного от старейших «Э» к американским «ТА» и «ТБ».

Сверхмощные локомотивы, сильнее «ТА» и «ТБ», будут строиться советскими руками!

Большевики записывают

п о е з д

Во всех кинотеатрах шел «Броненосец Потемкин». Машинное отделение броненосца молчало. Офицеры бесшумно летели за борт. Маткошню кричал, но его голоса не было слышно. Был немой период советского кино.

Тридцатый, начало тридцать первого года были ознаменованы производством первых звуковых картин.

Открылись первые звуковые кинотеатры. Кино получало голос.

Советские телефильмы двинулись на экран. Все услышали треск добасского угля, грохот поезда, скрип шагов, хруст песка, гармонику и человеческий голос.

Фабричную стеганую подушку назвали: «За большевистский телефильм».

Московская фабрика звуковых фильмов пустила в производство первые звуковые картины. Фабрика получила ширинскую звукозаписывающую аппаратуру, свежестроенные павильоны, режиссеров, операторов немых и звуковых, художников, сценаристов и целый ряд условий для успешной работы. Фабрика вступила в строй.

В основном звуковую картину можно сделать двумя способами.

Первый — картина снимается синхронно, т.е. снимается изображение вместе со звуком, второй — снимается немой вариант картины, после чего он озвучивается или титруется.

У нас в теперешних условиях на долю синхронной части картины падает примерно 25—30 проц., на долю титрованной — 70 — 75 проц. Это вызвано следующими причинами.

Большая часть картин построена преимущественно на натуральных сьемках, т.е. на сьемках вне павильона. Следовательно, если снимать картину синхронно, то звукозапись нужно производить тоже на натуре.

Для этой цели необходима целая сеть хороших оборудованных звуковых передвижек. Этим передвижкам у нас пока мало.

Кроме того вышесказанное — многие из шумов и звуков в натуральном виде не записываются или плохо записываются. Представьте себе такое положение:

Вам нужна по картине фонограмма (звукозапись) хода поезда. Нужно потратить огромное количество технических средств для того, чтобы уловить из этой колоссальной звуковой массы специфичность и динамику хода поезда.

Возникает простой вопрос:

— Нельзя ли сделать искусственным путем хода поезда?

— Ответят на этот вопрос шумовой пех:

— Можно! Это и проще и дешевле синхронной записи.

— Как?

Человек идет по снегу. Вы слышите приятный хруст. Это снег. Вы в этот момент.

Краснофлаютец бросается в воду — шум воды, пена, брызги.

Проходит поезд — грохот колес, пар, свистки.

Это называется шумами.

Владимир Александрович Попов пришел на московскую фабрику звуковых фильмов. В расчетной книжке написал: конструктор-шумовой.

Табельщик улыбался.

В домоуправлении недоумевали и тоже улыбались. Шумовым.

Это было непонятно.

Людей, посвятивших себя конструированию, воспроизведению шумов и добившихся блестящих результатов в этой области, у нас мало — человек пять на весь Союз.

Владимир Александрович Попов в их числе. Он изобретатель очень своеобразных и очень интересных приборов.

Ритмокомбинаторы, пентуны, поезда, шаги, треск, резонаторы, ветер, пар, тракторы, «самолет» и очень многое другое.

Владимира Александровича на фабрике любят за его внимательное отношение к молодежи, за готовность поделиться творческим опытом.

В шумовой мастерской большинство — молодежь. Все привыкли к шуму. Идет репликация поезда. Наверху, на экране, идет поезд. Низке — делают поезд. Метровый кусок литовского железа, сложенный поюзам, лежит

Владимир Александрович потирает ладони...

на ковре. По железу ритмично ударяют стылками, водобоек ступ, с оббитыми войлоком концами. Это — колеса.

На полу — пустой фанерный ящик, плоский, напоминающий папиросный коробок. Он стоит на одной из узких граней. Это — резонатор. На одной из широких граней — полоска плотной латуновой металлической сетки.

Трение травяной щетки по сетке резонатора даст изумительный «пар». Воздушный нагнетатель втягивает воздух и по шлангу посылает его в замкнутую трубу с отверстиями и краями для гудков.

Гудки очень многотонны и многотинны. Хорошо высушенный плоский барабан с колотушками дает гул.

Так делают поезда.

На экране — человек идет по снегу. Снег скрипит под ногами.

А ниже экрана Женя Кашкевич, семнадцатилетний улыбающийся паренек, трет большими и средним пальцем волотный пакетик, наваленный картофельной мукой, в такт шагам на экране. Сходство полное.

Владимир Александрович потирает ладони.

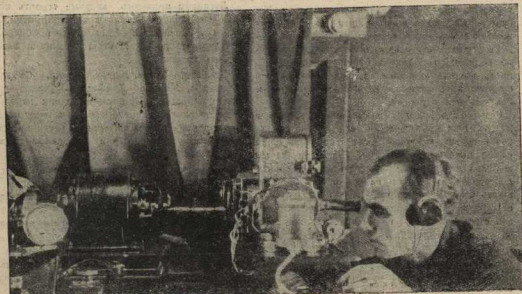
В картине «Ем быт» (реж. Жемчужный), по одноименному стихотворению Маяковского, матрос ныряет.

Тамара Кекина и Костя Перемилоский опускают в воду пентуны. Это — перевернутые деревянные пирамидки, внутри пустые, липяные основания. В гранях — круглые отверстия. Пентуны легко погружаются в бассейн с водой — вода выливается в отверстия.

При вытаскивании — нужный шум, вода выливается, пена, брызги.

В этой же картине дан полет самолета Гуд, специфический гуд авиационного мотора делается очень просто: кондом или рабочая часть моторчика в ¼ силы водят по лопытке цинкового ведерца. Высота шума зависит от расстояния кондом асы до центра — наиболее звучащего места.

При сьемке звуковой кинохроники, когда Бемидский читал о Харьковском тракторном:

Звукооператор Соболев фиксирует звук

Итак, окончена разведка.
Завод, спящий огнем, открыл!
Привет гиганту пятилетки,
Вступившему сегодня в строй!

За спиной его, вне поля зрения объектива киноаппарата, работает «трактор».

Деревянное колесо с зубьями, вращаясь, задевало за язычок и полосу туго перезаванной жести, хлопавшей по резиновой фанерной коробке. Говорил Безмянский и работал трактор.

Аналогичным способом, с небольшими изменениями, делается автомобиль.

Работа большинства машин сопровождается повторяющимися ритмами. Владимир Александрович сконструировал ритмокомбинатор.

Одно из шести стаянских условий — ликвидация обезлички. На эту тему на экране комедия-мультипликация «Паровоз, дети вперед». Пьяные машинист и помощник храпят. Звуки условны. Валя Ладыгина, серьезная светловолосая девушка, дает знак — один, глядя на экран, хранит в микрофон, другой при «выходе» вертит рукоятку ветра.

В звукопроницаемой камере звукооператор Соболев фиксирует звук. Звукооператор улыбается.

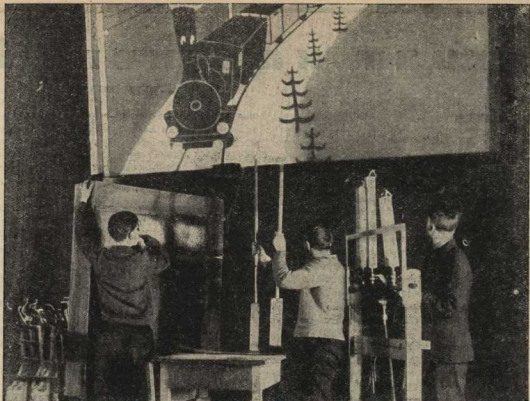
Картина «Земля жаждет» (реж. Райман). Идут солдаты. Шаги — тр.. тр.. тр..

Делалось так: полоска гофрированной бумаги, идущей для упаковки лампочек, натянута на резонатор.. По бумаге Ва. Ал. водит пальцами, согнутыми в суставах.. Эффект исключительный!

В павильон входит М. Ромм. Он принес список шумов для находящейся в производстве картины «Твердеет бетон» (реж. А. Мачерет).

В списке — работа экскаватора, грохот ссыпавшихся с думкара камней и т. д. Шумы грудные.

В шумовом пехе — производственное совещание с рационализаторскими предложениями. Идет овладение техникой. Ассистент режиссера знакомит шумовиков с особенностями каждого из шумов. Каждый думает и каждый предлагает. Приходит Ва. Ал. и дает свое. Все объединяется и начинаются поиски фактуры шума, общей его установки. Потом приходит механик Илюша. Он берет моток ленты и уходит в проекционную будку.

Рабочий момент с мультипликацией

Все приготовились. Каждый у своего прибора. Режиссер одевает наушники.

На экране картина. Репетиция. Репетиций много — для синхронности..

Наконец синхронность получена. Дверь павильона запирается, зажигается сигнал: «Идет запись — полная тишина!»

Звукооператор мягко шагает по ковру, он даст микрофон.

Зажигается синяя лампочка. Илюше включили мотор из камеры звукооператора. Оба мотора работают с одной скоростью. Началась запись.. Минута.. две.. три.. Голос: «Запись окончена».

И так несколько вариантов, в зависимости от качества записи.

На одном из производственных совещаний директор фабрики тов. Подохов сказал:

— Шумы, товарищи. — сердце товфильма! Директору не возражали. Он был прав.

Недавно в I Союзкино-театре был просмотр заграничного звукового фильма. На экране шел поезд.

Я смотрел на спокойные лица зрителей-слушателей..

Несколько месяцев назад в том же кино шёл наша картина «Земля жаждет». На экране тоже шел поезд. Ход поезда сопровождался дружными аплодисментами Поезд сделала наша мастерская под руководством Ва. Ал. Попова.

Советское кино овладевает техникой звукозаписи.

Идут репетиции. Зажигаются сигналы: «Идет запись — полная тишина!»

— Большевики записывают поезд!

охват карского севера

(Продолжение)

М. Зингер

Успеть до темноты

Зарыва горючего была произведена в течение сорока минут при ударной работе всего экипажа. Около четырех часов дня мы оторвались от Подкаменной Тунгуски, и по гледи Енисея побежала фиолетовая тень самолета.

Перед отлетом Липп сам поднялся на лесную плоскость и взглянул в носовой мотор.

Решено было лететь в сторону Игарки. Оставалось еще пять часов светлого времени, и надо было успеть до темноты попасть в порт Игарку, где уже стояли чернышские ножи.

Наш воздушный корабль заметно набирал высоту. Мы летели сейчас на высоте пятисот пятидесяти метров.

Чем дальше на север, тем желтее становился ковер тайги. В этот желтый ковер были вкраплены зеленые пятна куртин ели и лиственницы. Сейчас, в сентябре, так легко различались с самолета породы таежных деревьев. Годунами пятна озер в тайге, и узкие ленты безымянных рек, не виданных человека, раскиданы в лесном просторе. Я осматривался кругом, высунув голову из кормового люка, и куда только хватает глаз — повсюду пестрела одна лишь тайга.

Пилоты вели воздушный корабль над самой тайгой.

Солнце склонилось к горизонту.

Сокращалось светлое время, а ночью не сделать посадки воздушному кораблю. Лететь же досветла — нехватит горючего. Мы шли на полном газу и летали «безбожно» прямо над тайгой.

Успеть было до темноты в Игарку.

Я еду к тебе, Север! Я еду сейчас к тебе через тайгу, озера, болота и неведомые реки к полуночному морю, к черным скалам Диксона, где ходит неподалеку старый торосистый лед.

Самолет падает то на левое, то на правое крыло. Это сигнал нам в кормовой отсек. Я поднимаюсь со своего чемодана повисше и вижу, как теплоход далеко от нас тает за собой два рыбоперобойные бота. На них идет капитан Шарбаронов, с которым мы вместе ходили год назад на шхуне «Белуха» из Архангельска в устье Писаны.

Спрява по горизонту за дымок вечерней мглы открылся горный хребет, уходящий далеко на север. Не горные ли это берега красавицы Нижней Тунгуски?

Я протер ветшюку целлюлозный козырек

над кормовым люком, и стало видно далеко сидящих впереди меня пилотов и шлем летавца. Ветер сбивает высухнутое из люка за целлюлозный козырек руку.

Визну на еще зеленых луговых остожене сено, значит, где-то неподалеку жилие, человек, стаянок.

Опять туман покрывает по горизонту Горы приближаются к нам. Это берега Нижней Тунгуски. Значит, скоро Туруханск, город царской ссылки, где жили в плену Свердлов, Сталин и другие революционеры.

Забесела далеко на горизонте туруханская церковь Василия Мангазейского.

По Енисею тинутся вниз четыре плота. Они держат путь в Игарку из далекой Ангары.

На Нижней Тунгуске, которая впадает под самым Туруханском в Енисей, стоят четыре плота. Они пришли сюда через пороги, шлюзы и перекаты Нижней Тунгуски и тоже идут в Игарку.

Я смотрю на часы. Еще два часа до темноты.

Визну под нами какой-то пароход тает за собой баржи, и по белому облачку над трубой мы видим, как он приветствует воздушный корабль. Он свистит, но мы не слышим его привета.

— Куда он велит баржи? — спрашиваю я соседя.

— Это, вероятно, «Кооператор». Он идет за рыбаками Туруханска.

— Что там слева, туман ли дождь?

— Не проходит и минуты, как мы входим в полодую дождь.

— Привет полярной земле! — идет по рукам аэника Лаврова.

Мы пересекли сейчас полярный круг. Видно устье знаменитой реки Курейки.

Опять тайга, опять болота и топи. Топи налиты водой, и хлопьями ваит туман, мясь над собой землей навстречу самолету. Мелькает белый аэльник.

Идем в тумане неровно, будто на море по волнам. Кажется, что весь мир залпснесел от тумана.

У песчаной косы — плот. Я показываю на него Лаврову.

— Его сапет пароход или северный ветер, который нагонит воду и поднимет с мели плот. Иначе придется перетурнуть: вместо четырех рядов — делать двухрядку.

Зансирился впереди огни поезда Игарки и черные трубы его заводов. Вот и сочно-желтые штабелы игарского дипломатриала. Вся

протока застлана океанскими пароходами, рыбоперобойными ботами и буксирами.

«Комсерверту» 2» покружила над тайгой, отискал в протоке место для посадки — воздушную площадку. И, найдя это место, стремительно пошел на снижение. Удар заднего редана по воде! Я смотрю на корму. В пяти метрах от нее остались брызги плетона. Какой тончайший расцвет! Чуть меньше газа, — и мы бы сидели на брызгах с разбитым самолетом.

Тяжело девятсот один километр от Красноярца до Игарки пролетины в течение 9 часов 15 минут. Это небывалая скорость для воздушного корабля системы «Дорнье-Валь» на перетоне Красноярск — Игарка.

«Комсерверту» 2» бросил якорь недалеко от лесозавода «Микон». Но самолет не сможет завтра лететь на север. Капаны носового мотора сданы еще за Туруханском.

— Все надежда на Игарскую механическую мастерскую, — сказал Побежимо. — Нам нужны лугать и хороший токарь, и мы исправили носовой ветер, чтобы его часы хватили нам на север и обратно до Красноярска.

Рано утром мощный советский лесозавод «Ванцетт», аяв полный груз пиломатериала, дал три пронциальных гудка и ушел из Игарской протоки в Енисей, а Карское море, а Лондон.

Назавтра в порт Игарку ожидался еще два иностранных парохода.

Два года назад на берегу этой протоки гудела тайга и стояла одиноко военная палатка, в которой жили только люди порта Игарки. Здесь не было не только аэровок, но и ни одного люка не стояло на безлюдном берегу.

А сегодня здесь жилили сибирский лес три лесозавода. Работала механическая мастерская, которая брались зытичить для моторов самолета ответственные детали. Высоко в небе маячила труба паросилового установив.

Растоянция, гидрометеорологическая станция, клуб, магазин, своя газета, больница, аптека, почта, сберкаска, — сегодня все это было в Игарке.

В протоке, которая два года назад была еще мертвой, сегодня грузились одновременно шесть океанских пароходов; стояла на якоре рыбоперобойные боты, пришедшие сюда с верховьев Енисея; ходили новые буксиры, приведенные только вчера сюда из Гамбурга.

В протоке распротер свои куражки воздушный корабль «Комсерверту» 2».

А по деревням наставил баржи уже ходили автовозы, которые должны были вынести из глухой местности селу с чугунами колесами. Четыре автовоза, пришедшие в Красноярск из-за границы, совершили далекий путь по Енисею к Игарке, чтобы механизировать и ускорить погрузку пиломатериалов в дальком полярном порту.

Слышно было, как тарыхат на совхозном острове трактор.

Там, где была протока и хозяйничала медведь в таежной глухомани, теперь грелась новая трудовая жизнь нового советского города. Мы упознали через Карское море за границы лес, а из Европы морем к нам приходили в Енисей и Обь новые пароходы, новые шхуны.

На лесозаготовке в игарские леса

В низовьях Енисея. Берег станицы Дудинки

*) Начало см. в №№ 1, 2 жур. «Сибирь».

К полярному океану

Рабочие игарских лесозаводов сдержали свое пролетарское слово, лавино партини и партизаны. Несмотря на трудности и суровые условия жизни за полярным кругом, игары чьиопили на срок экспортную программу, распав на десяток сентября доять тысяч стандартов леса. Этим самым город на оупике мира дотстойно ответил всем папкам, предельными продал лесозаготовку. Бюро партоклетки и штаб следствия лесозаготовку обратились с приветствием к героям социалистического труда. На лесозадак комиссии уже обсудили вопрос о премировании рабочих-удачников.

Ремонт носового мотора воздушного корабля «Комсервпулт 2» заканчивался. Под руководством борт-механика Побежимова игарская механическая мастерская вдыхала жизнь в носовой мотор самолета.

Назавтра, пятнадцатого сентября, должна была состояться проба мотора в воздухе.

Утром я ушла с капитаном Сорочкиным в тайгу за Медвежий олд. Мы ходили вместе с этим морским волком, командиром ледокола «Красный» из Ленинграда в Карское море. Это было два года назад. Наши пути снова скрестились на Севере, но не в изжелта-зеленом море, а в изжелта-зеленой, хвальной освещенной заморскими, тайге. Мороз давно уйыл комаров, и воздух был чист и бесконечно прозрачен. Из сухости и вальсика мы развели такой костер, что кругом на несколько метров шивел от жара сухой мох.

Мы прошли несколько километров поваленной тайгой. Умыло и высоко торчали посередине пни и сочные пятнами из поваленного леса нестрили свежесрубленные остова зланий нового города. Стрелили аптека, больницы, барак.

Над тайгой кружил самолет. Он шел в обхвату мотора. Самолет шел одновременно с солнцем. Каждый завершил свой дневной путь над Игаркой. Солнце садилось за тайгу, а самолет — в Игарскую протоку.

Ветер разогнал облака, и вечернее небо Игарки было чистое и звездное. Запрокинув голову, мы долго смотрели на Млечный путь и яркие звезды безмолвно густосного неба. Зеленые облачка северного сияния вдруг затуманили краснек неба, разгорелись, вспыхнули ярко и поблескивали в сторону, а потом загасили свои огни, чтобы снова через минуту пламенеть над тайгой и присмирившей Игарской протокой. Первое сильное сияние порт Игарки увидела в 1931 году поздне, чем два года назад. Сегодня было уже пятнадцатое сентября.

— Прощай, призыв! — сказала Лярова. — Раз появилось сияние, скоро придет холода и скают нам протоку. Идет зима! — злейший враг «Комсервпулта».

В ночь перед полетом на Крайний север летчики собрались в моей игарской комнате, куда вселились врачи, прибывшего из Лондона на работу. В Игарскую глухонемый врач приехал из туманного Лондона музыкальный чемадани, который шел нам в выделенной комнате бенефицианного дома арии Карузо на итальянском и французском языках.

Испытание моторов в воздухе дадо удовлетворительные результаты. Моторы «бархандили», но все же тянули машину. Забра утром предстояло лететь на Диксон, в Карское море, к полярному океану.

Мы дали прощальный салют над Игаркой и скрывались за тайгой. Светило яркое солнце, проважал нас в далекий путь своим нагреловали-

ми лучами. Широко развласа Енисей. Справ по горизонту загорелись горы, закрывшись фиолетовой кисеей. Ветер вновал под нами Енисей. Самолет проходил легкую облачность. Солнце творило чудеса, показывая нам красивые холма радуг и в них маленькую тель летящего самолета. Кошца шла вместе с нами, исчезая лишь там, где прерывались облака и яркое небо.

Мы сели в Дудинке в тот день и час, когда окружком Таймырского национального округа постановили выбудить ходатайство о награждении экипажа «Комсервпулт 2» — пилотов Липпа и Страубе, летчика Петрова и борт-механика Побежимова орломом Трудового красного знамени. Эту высокую награду воздушникам дали за исключительные заслуги и деле помощи туманному туманному хозяйству, за блестящее авиаобследование Таймырского округа.

Каждый из летчиков воздушного корабля «Комсервпулт 2» кроме того получил почетную записку с печатью. Эта записка сразу сообщала о постановлении заседания президиума оргкомитета Таймырского национального округа от 22 августа 1931 года.

Вот что говорилось в записке:

«Летному составу самолета «Комсервпулт 2» — товарищам Липпу, Страубе, Петрову и Побежимова за проделанную работу при неблагоприятных метеорологических и географических данных, проведенную благодаря настойчивости, неутомимости и умению ориентироваться в неизвестной для самолета обстановке туманд, объявить благодарностью».

К вечеру воздушный корабль свисался с прибреж Енисея, смывавшей высокий берег Усть-Енисейского порта. Здесь предстояло ввести полный запас горючего.

После короткой поковки в последнем на севере Енисея городке мы должны были лететь на остров Диксон.

Воздушные широки

Разбросало широко бесчисленные рукава гигант-Енисей в своем устье. Леталю зорко смотрел карту в носовой кабине с тем, что вид но с самолета. Вот он встал и машет рукой пилотам, что-то им показывает.

Широк Енисей. Едва виден его правый берег, закрытый поволокой тумана, а левый так далеко, что скрылся совсем из поля зрения. А вперед уже темнеют водные просторы Карского моря. Вот они, подступили к полярному океану, видны беляки морских валов и каменные оголенные берега. Мы осеюно уходили на север, куда лишь по веснам тянутся перелетные птицы. Мы идем по одной и той же дороге, только птицы большими табунами летят сейчас с воды три лебедя! Вот треугольный уток и длинный шерстяк поджарых тускл.

Мы летели в бухту Север, где рыбачили комсервпултские рыбаки. Я высунулся из люка ти-

гда, когда самолет не круто завернул. Поадо мной растелился тумандый берег, и я увидел два бревенчатых дома.

«Это бухта Север», — подумал я.

Страубе сделал один круг, второй, и прошел над самыми строениями, едва не касаясь лодки самолета островерхих деревянных крыш. Далл полный газ. Глухо зашумели притяжные водные моторы, и самолет рванулся снова в высоту.

— Очевидно, не распознали местность, — рещия я про себя.

Но летчики не ошиблись. Это была действительно бухта Север, но садиться сейчас на раста-хондешие воды было опасно для жизни самолета, для моторных стоек, которые уже были подорваны и скреплены незадолго перед северным полетом. Из-за больших накатов вода летчикам решила отказаться от посадки в бухте Север. Покуражив над зимовкой и стоянкой аэрооб-бекуштанник, самолет пошел вперед на север, к острову Диксон.

Карское море встретило нас низкой облачностью. Растаивавшая облака, пилоты прорывались на север, ставивший барьеры воздушному кораблю.

Море вскипало под нами в бурных и пене. Только ветер один помогал нам лететь на север. Семьсот километров от Усть-порта до Диксона мы покрыли в течение трех часов.

Как-то не верилось, что вот несколько домиков на скалистом берегу и был уже Диксон, до которого так долго ходили пароходом.

В бухте Диксон стояли уже два воздушных корабля Союз, в эту бухту закрытую гавань летал третий воздушный корабль. Буто здесь, на краю земли, был филиал звездного перелета тяжелых морских машин.

По воздушному, авиационному этикетке «Комсервпулт 2» покуражив над высокой матерой рации Диксон. Самолет приветствовал зивончиков советского флота.

Чувновский — командир «Комсервпулт 2» — вернулся сюда, совершив полет до Таймырского пролива.

Алексеев — командир «Комсервпулт 2» — стоя в бухте, на ледовом дежурстве, для обеспечения безопасности прохода ледозовов через Карское море.

В пути далеко на Севере, за Усть-портом, мы видели последний иностранный морской пароход, направившийся в Игарку за ледоматериалом. Одновременно было получено радио о благополучном окончании погрузочных работ Обской части Карской экспедиции.

Я разглядел с самолета возле рации Диксон людей, которые махали нам в знак приветствия.

«Комсервпулт 2» свисался в бухте и отдал кораб с таким расчетом, что три воздушных корабля построились у Диксона трехсторонним треугольником, в строй клина.

(Продолжение следует).

Енисей широк и глубок. Пароходы подвдвигают прямо к его наменистым берегам

Штабеля экспортного пилотесоматериала в полярном порту Игарке

КВАРТИРА

В очерке „Квартира“ автором ставится большая бытовая проблема. В очерке показано, как люди, являясь ударниками производства, зачастую не могут приспособить свой быт для правильной организации отдыха, учебы и работы над собой.

Материалом для очерка послужили наблюдения над рядом квартир Дубровского посёлка. Редакция журнала „Смена“ помещает данный очерк в дискуссионном порядке. Что ты конкретно делалась по перестройке быта у себя дома? Хорошо ли ты проводишь своё свободное время? Удовлетворены ли тебя культурная жизнь в клубе?

По этим вопросам давайте, молодые люди, комсомольцы должны высказаться на страницах своего журнала „Смена“.

Е. ИОНОЧЕНКО
Рис. В. Горюева

С пачкой телеграмм нырнул во двор весёлый почталов. Затрещала бидоном молочница.

Из четырех подъездов выходит, не глядя друг на друга, люди. Идут на завод. Бегут в школы. Несутся, как мотоциклы, в кооперативы. Развешивают белье, торопясь захватить веревки. Выносят помойные ведра. Вытряхивают одеяла.

Одно за другим раскрываются окна и во двор врываются звуки Утра. Плачут и смеются дети. Завозне трещат привкусы. Кашляют старушки. Кричит громкоговоритель.

На земле заплясали солнечные пятна. Снепая кошка, отряхиваясь, вышла из подъезда и села на солнечное пятно.

Михаил Иванович, ударник кабельного цеха, позвращается домой с ночной смены. У него уставое, но довольное лицо. Он состоитывает, с воследением думая о том, как хорошо сейчас скинуть потную рубку, умыться холодной водой до пояса и уснуть...

За дверью квартира — шум. Никто не слышит звука Михаила Ивановича. Михаил Иванович стоит у двери, опустив руки. Лицо его темнеет. Он узнает резкий, нервный голос жены Агафии, горичке, как интеллект, всхлипывания соседки Лары, долготный голосок жены кочевара Петра.

— Опять завалил! — уныло думает Михаил Иванович и барабанит кулаком в дверь.

Открывает Агаша. Серезжи в ее ухах звенят от волнения.

— Полобуйся, — кричит она, наступая на мужа, — вот до чего довели, змис подколородные!.. Жизнь не мила мне!.. Скажи, скажи хотеть!

— Отстань, — с тоской говорит Михаил Иванович и проходит в комнату.

Агаша идет за ним, переваливаясь, как утка. Она Беремца.

— Пожался, комизьсрива! — несется влонуку из кухни. — Мало глотку-то драла, корова рязанская!

Михаил Иванович глядит по взрощенной голове сонного Кимку. Подходит к старшей девочке и тычет ее нежно пальцем в теплую шеюку.

— Что, волюнок, испугалась?

Девочка исподлобья смотрит на взволнованную мать.

— Детей испоките криком своим, — ирочно говорит Михаил Иванович, снимает сапоги и ложится на постель, зарывая голову в подушки.

— Есть будешь?

Михаил Иванович молчит.

— Губы тошаче — брюхо мешьше, — обижено отзывается Агаша.

В голосе у нее закатывают слезы. Она выходит в кухню, тивево стучит там кастрюлями, потом возвращается и начинает нервно одевать Кимку, деграя его, как картожного паяца. Она пхтывает ему чулки и плачет. Кимке становится

не по себе. Жаркие капли падают ему на ножки. Ким тоже плачет.

Силясь уснуть, беспокойно ворочается Михаил Иванович. Отдых становится ему ненавистным. Хочется встать и уйти обратно на завод.

— Агаша, — говорит он, — Ленка ушла в техникум.

Агаша молчит.

В светлой просторной комнате Ястребовых неселово. Девочка робко взяла зеркало, ловит блестящий луч Трелетно и смущенно бьется на стене маленького солнечного зайчика...

В соседней комнате Тропиничных плачет Александра Васильевна. Неумная Тамарка грустно ласкает глиняную собачку. Она разговаривает с ней вслух.

— Слышнши, песик, вот я вырасту большая, большая, как папка... и ни-ни-когда мы не будем ругаться!

Тамарке также не по себе, как и соседку Кимку.

Тропинки сидит у стола и изучает математику. Заводская ячейка командировала Тропинкича в техникум. Днем он работает на заводе, вечером учится в техникуме. Сегодня у него выходной день.

— Скажите на милость, что я им сделала? — всхлипывает Александра Васильевна. — Сим моих больше нет. Нет моего терпения выносить... Не могу я грязь за всю квартиру выносить... Ничке тарарками в чашинке... Ребенка отряпши... Ах, здрин! А про тебя-то что говорят... Той, говорит, с завода не в техникум идет, а с комсомолками гуляет... Да ты что, огадох, что ли?

Тропинки, обхватив руками голову, упрямю читает вслух.

— Бревно!

Тропинки с сердцем захлопывает учебник.

— Вы мне вздохнуть не дайте! — всхлипывает он запальчиво.

В голосе у него интервала. Он вах, что его отторвали от книжки, и ему хочется сорвать свою досуду, сказать что-нибудь неспривитное.

— Вы мне... чинжика уморил! — кричит он огорченно, разглагольствуя пустую клетку на стене.

— Какой чинжик был! Сейчас ему самый сезон леть...

В третьей комнате плачет жена кочевара. Она прибежала из кухни, уронила стриженую девочку голову на стол... Хуеуемые, как у ребят, плечи вздрагивают от рыдания. Банка с речными кувынчиками повалилась лябок. Возка залдила скатерть и радостно побегала на пол.

— Это я-то воровка! Больно нужны мне их рьяные седетки, их вонючий газ. Будете вы все прокляты! Лучше удавиться, чем жить в такой квартире, с такими жильцами!

О чем они плачут, эти женщины, каждой из которых кажется, что ее сжирают соседи. О чем?

Кочегар пришел домой пьяный. Он стучит в коридоре каблуками, плетет на пол и ругается всхлипывая.

— Хоуева высканиса, мать твою... Никаких прав не имете мое семье замечанье делать. Это тебе не партийное собрание... Жену бы! Примучи керосиной разжиган. В ванне белье стираю... Подумаешь, генерал! Мой примучи или мой? М-о-о-о-о! К чторовой матери! Я — сама красной партизан...

Дверь отрывается.

— Постылаи мы матюкалась, пьяная харя... чему ребит учини!

— Это кто пьяная харя? Это я пьяная харя!

— Им можно! — истерически кричит жена кочевара. Рьяже, разгнанные кудри ее плывут, точно огонь. — Они образованные! В техникуме с комсомолками учатся. Ха-ха!

— Увидте, женщины! — успокаивает Михаил Иванович, грозный, как туча.

— Не тревожь квартиру, Петръ! Пришел с баночкой, ну и помолчи...

— Это мне замолчать? В своей квартире замолчать, твою... Ты в мастера вывел, а мне, кочевару, молчать? К дья-я-я-я-я! На, бе.. бей!

Ленка, шестнадцатилетний фабзавоучник с сереной майке, высказывает на комнату В глазах ее негодование и слезы. Она машет руками, переплывающим в черинах.

— Замолчите. Сейчас же замолчите. Уйдите. Папана, уходи! Замолчите. Я не могу уроки учить. Как не стыдно! Я завлечение в ячейку стола. Замолчите!

Ее никто не слушает. Она выбегает на лестницу, шумно захлопывает дверь и сидит на ступеньке, кусая губы.

Бесело налевая буленовский марш, возвращается домой четвертый обитатель квартиры, комсомолец Коля Гудков. В одной руке у него арбуз, в другой — сюртук александровской бумаги.

От его резнивого плаща пахнет прохладной свежестью ушниц.

— В чем дело, Елена Михайловна? — кричит он, наткнувшись на Ленку, — опять трагикомедия в шести частях?

Ленка молчит, отворачиваясь.

Коля Гудков иргает арбузом, как мячиком.

— А ты плонь, девача, не порти печенку...

— Да-а... плонь, — сердито говорит Ленка, — молчи уж дучше!

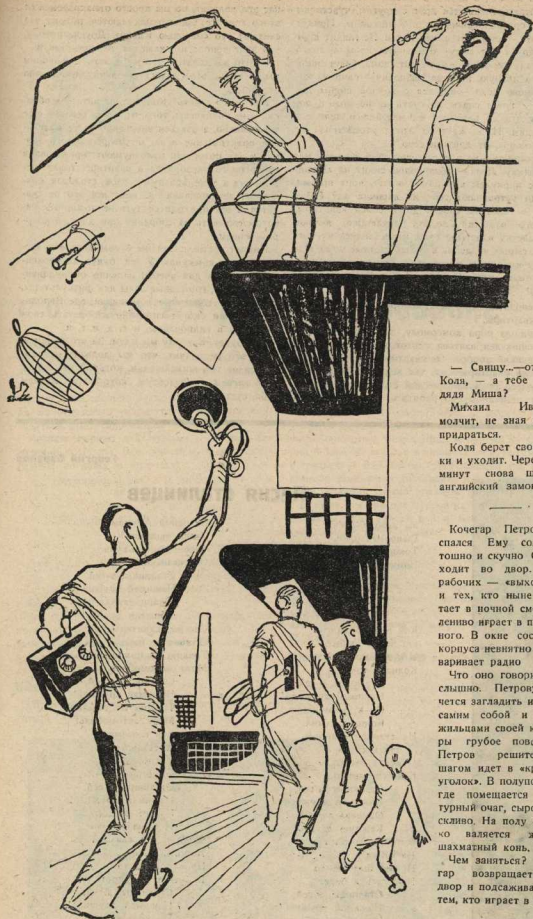
Шелкает замок. Гудков входит в квартиру. В коридоре продолжает ругаться.

Гудков быстро проходит в свою комнату и отрезает себе сонный ломоть арбуза и ест. Потом ложится на кровать и читает газету.

В коридоре еще еше кричат. Это мешает.

— Чорт! — думает Гудков — Ленка права... в самом деле невозможно. Хорошо, что я дома малю бываю... И как это мне не надоест! Разве пылти? Да ну их... Мне все равно скоро уходить...

Коля с удовлетворением вспоминает о том, что у него сегодня билет в Колонный зал Дома союзов на слет юнкоров.

Это — проблема. Дети становятся «врагами» взрослых.

— Разве у нас только так? — говорит Агаша. Вот другой под'езд. Вот еще квартира. Жилых кризис столкнул в двух больших комнатах четыре разных жизни — семью токаря Чашкина, семью братьев Трифоновых — кладовщика, бетонщика и молотобойца, семью кузнеца Рогожина и семью молотобойца Анстова. Вот комната, где живут Анстовы и Рогожины. В этой комнате душно. Душно не только потому, что тесно. Раньше они жили впопыху в подвале рядом с котельной. Душно потому, что люди не сумели организовать свою жизнь, не хотая это сделать, отпихнулись от этого. Отмахнулись и мучаются.

Молотобоец работает в три смены. Молотобоец — премириванный ударник. Гордость цеха. Утомленный приходит он домой, ложится в постель и какает себе на голову все подушки, какие только есть в семье, чтобы хоть немного соснуть.

Кузнец приводит к себе гостей. Они пьют и воют. Они стучат кулаками по столу, и в окна жалобно звенит стекло. На половине Анстовы просыпаются дети. Плачет четырехлетняя Галка. Зависает грудная Люба.

Молотобоец швыряет подушки в сторону. — Какое тебе дело? — весело кричит анштошский кузнец. — Какое ты имеешь право анштош меча саболовой жизни? Я на своей половине что хочу, то и делаю. Хочу пью, хочу не пью... И-е-е-х, абочко, куда ко-о-тишься...

— Не воротишься! — подхатыкают гости кузнеца, лихо притопывая ногами. — Сыть, Лешка! Сыть, Кореш! Мы сами-ударники. Что ж, ударникам и погулять нельзя? Наше дело молодое...

Тая, жена Рогожина, и Мария, жена Анстова, презирают друг друга. Тая моет только «свою» половину пола — от стола до стены. Не больше, ни меньше... Мария моет пол от стены до стола.

Мария бовоклет грудную Любочку. Таяин Володька яростно стучит молотком. Володька изобретает какой-то невнятный догсаде самолет. Володька счастлив. Он сложился над куском картона, проползая, он ничего не слышит, он не чувствует ничего слышать, он не замечает взрослых.

Мария просит, почти умоляет: — Тая! Добром прощу — уйми сына, дай только грудную уложит. Тая молчит. — Володька, — всхлиывает Мария, — не стучи! — Володька! Стучи сильнее, — злобно говорит Тая. — Ее отродье больше шумит.

Обесселенные перебаранкой женщины украдкой палач. Каклая на своей половине. Мария старается поддерживать чистоту в комнате. Она бипривает кровати киятником, чтобы не мучили клопы. Стена на ее половине веселее и чище, чем стена Рогожиных, рбабая от клопных следов. Клопы ползут от Рогожиных к Анстовым.

Пропалают продукты. Засоряется раковина. Никто не хочет погирять думя в уборной. И старик-токаря Чашкина, который живет в соседней комнате, приходая с завода, засучивает рукава, берет тряпку и, ворча, идет мыть уборную.

Почему в комнатах, где много солнца и воздуха, почему в этих комнатах так сырочно и душно, словно перед грозой? Почему в кухне, где жена Петрова «назло» разжигает примусе не дежуритому, а керосинком, ползают тараканы? Почему в ванной, прекрасную белую ванну, где купается шестерка ребят, дьют талую помоя?

— Свищу... — отвечает Коля, — а тебе жалко, дядя Миша?

Михаил Иванович молчит, не зная к чему придираться.

Коля берет свои щетки и уходит. Через пять минут снова щелкает английский замок...

Кочегар Петров испугался. Ему совестино, тошно и скучно. Он выходит во двор. Кузца рабочих — «выходных» и тех, кто ныне работает в ночной смене, — лениво играет в поддлинного. В окне соседнего корпуса невинно разговаривает радио.

Что оно говорит? Не слышно. Петрову хочется загальчить и передел самим собой и перед жильцами своей квартиры грубое последнее. Петров решительным шагом идет в «красный уголок». В полушалае, где помещается культурный очаг, сыро и то склино. На полу одинокко валается желтый шахматный конь.

Чем заняться? Кочегар возвращается на двор и подсказывает к тем, кто играет в карты.

— Почину сапоги и пояду... Там в читальне лучше посяжу.

Коля выходит на кухню и, насыпывая что-то, чистит сапоги.

В дзержах кухни вырастает мрачная фигура Михаила Ивановича. Сон сорван. Жена плачет. Ленка ушла. Все в нем кинит...

— Свиستیшь? — говорит он неопределенно, разглядывая Гудкова.

Три раза судились Ястребовы с Тропинкиными. Тропинкины судились с Петровыми. Из-за чего? Из-за мыла, из-за уборной, из-за веревки для белья, из-за выключателя, который никто не хочет испортить. Из-за детей. Чаше всего из-за детей. Вонка ударит Кимку. Кимка толкнет Марку. Недавно на дворе одли ребенок вышорю другому ребенку глаз. Дети в доме, дети в квартире, это — наболдевший вопрос.

Почему скрывали друг от друга скарлатину? Почему выходной день безвыходный? Почему у Тропичников, которые всей семьей плавали, когда слух веселой чужины, нет радужно? Пляный монтер? Почему злые глаза? Почему люди, товарищи по заводу, по ячеек, смотрят здесь, у себя в квартире, друг на друга исподлобья, словно враги?

Атана подлерла шеки руками, и у губ ее дрожит горькая линия.

Михана Иванови говорит задумчиво:
— Да-а... Жить не умеем. Вот что. Сами себе враги. Все мы рабоче. Ударник вот я. Все это идет, как следует... а вот в этом самом деле... чорт его знает!.. не знаю, что сказать... заковычка...

— Нет у нас умения жить, — говорит почти теми же словами Тропичник, — нет ни у кого заботы. А в сущности это не мелочь. Это — большое дело... Это мешает работать... Я вот учиться не могу...

— И все на сердце ложится, — вздыхает Александр Васильевна.

— Эх-а! Верно! Жить не хотим по-человечески! — удивленно восклицает кочегар Петров. На заплаканном лице его жены зацветает слабая улыбка. Две маленьких девочки кочегара смеются. Они рады, вероятно, что мать улыбается.

На заводе, в клубе, в школе, в ячейке люди работают, считаются друг с другом, чувствуют себя организованно, люди — спокойны. Придут домой — становятся, как волки. Не глядят друг на друга. Не могут отдохнуть, из-за мелочей рвется семейная жизнь. От дома бегут иной раз в пивную. Михаила Ивановича — ударник кабельного цеха, — пришла с ночной смены домой и хочет спать, но спать он не может, потому что до него нет ни малейшего дела его соседям. И он идет на завод утомленным от бессонницы, от драг и от спор.

Тропичник не в силах спокойно изучать математику. Ленка-фабзавчонок сидит на лестнице с циркулем в руках. Почему, чорт возьми, люди устраивают себе из жизни ад? Разве люди не хозяева своего дома, своей квартиры, они не хозяева своего дома, своей квартиры, своего отдыха? Сделали революцию, делают пятилетку в четыре года, переселились из темпильетки в четыре года, переселились в новые сырые чердаки в новые светлые дома. Почему же они не могут взять перекос быта?

Можем взять Перекос быта! Можем и должить!

Неправ Коля-Гудок, который бежит от своей квартиры. Приняла пора комсомолу, записались многих больших дел, взялся за этот, на первый взгляд, маленький вопрос — о квартире.

Если квартира — ад, так ведь это же камень в колесо социалистической стройки. Она мешает нам спокойно работать, она мешает нам

учиться, строить новую жизнь. Мы это знаем, нас это волнует, но мы просто отмахиваемся от этого вопроса. Одни отмахиваются, потому что считают это смелостью жизни. Другие потому, что этот вопрос им кажется неразрешимым.

— Что же делать? Что же делать? — говорим мы, и голос этот зачастую звучит достаточно беззвучно.

Как — что делать? Конечно, не витать в облаках и не предлагать того, что пока сегодня еще невозможно, а взяться энергично за те или другие практические дела, о которых много знают и над которыми мало думают: организацию внутреннего распорядка в квартире, товарищеский суд в доме, красивый уголок, столовая, прачечная, детсадовка... С неба все это, не свалится, а нас приходится чуть не пожарным набатом созывать на собрания при доме, в котором живем.

Прилет время, когда мы будем жить в чудесных домах-коммунах. У нас будут великолепные комнаты для учебы, отлично оборудованные спальни, громадные залы для физкультуры, прекрасные солнечные помещения, где Володькин и Кимки смогут спокойно изобретать свои самолеты и гидроланты, и т. д. и т. п.

Это будет. К этому мы идем. За это боремся. Но это не значит, что мы должны отмахиваться от той жилищной, которой мы сейчас располагаем и хозяевами которой не считаем себя.

Георгий Баранов

Песня сталинцев

На заводе АМО,
Выполняя план,
Токарем работал
Прохоров Степан.

Сталинцы, э-гей,
Нажимай дружей!
Токарем работал
Прохоров Степан.

Как отца родного,
Он завод любил,
И из автомобиль
Колпачок точил.

Сталинцы, э-гей,
Нажимай дружей!
Он к автомобилью
Колпачок точил.

На станке токарном,
Долоеи сталь,
Отмечал зарубкой
Каждую деталь.

Сталинцы, э-гей,
Нажимай дружей!
Отмечал зарубкой
Каждую деталь.

Выросла тревога
На КВВЛ.
Нужно было живо
Помогать в беде.

Сталинцы, э-гей,
Нажимай дружей!
Нужно было живо
Помогать в беде.

Дорогой, любимый
Бросил он станок,
Едет добровольцем
Прямо на восток.

Сталинцы, э-гей,
Нажимай дружей!
Едет добровольцем
Прямо на восток.

За рекой Амуром
Степа заимом,
Чжэнцзюлинки-пули
Обожгил восток.

Сталинцы, э-гей,
Нажимай дружей!
Чжэнцзюлинки-пули
Обожгил восток.

Сестры, санитары
Обнимают пыль,
Токаря на помощь
Мчат автомобиль.

Сталинцы, э-гей,
Нажимай дружей!
Токаря на помощь
Мчат автомобиль.

Прохоров глазами
Обегает сталь,
Узнает зарубку
И свою деталь.

Сталинцы, э-гей,
Нажимай дружей!
Узнает зарубку
И свою деталь.

Встал перед глазами
Дорогой завод,
Прохорово дело
В битвах не умрет.

Сталинцы, э-гей,
Нажимай дружей!
Прохорово дело
В битвах не умрет.

Шинями машина
Мерил простор,
Песню боевую
Грохотал мотор.

Сталинцы, э-гей,
Нажимай дружей!
Песню боевую
Грохотал мотор.

ГЕОРГИЙ БАРАНОВ — начинающий поэт, рабочий завода имени Сталина (бывш. АМО), ударник, призванный в литературу. Обсуждению творчества тов. Баранова на заводе им. Сталина были посвящены два вечера.

В одном из следующих номеров «Смена» даст статью о творчестве т. Баранова и материалы обсуждения его на заводе.

ГОТОВ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ

Каждый физкультурник должен сдать норму на значок «Готов к труду и обороне». Вот лозунг, который нужно проводить в жизни.

Сдать на значок «ГОТ» совсем нетрудно. Нормы даны средние, легко выполнимые. Правда, по отдельным видам спорта придется потренироваться.

Сдавать нормы: для мужчин с 18 лет, для женщин с 17 лет. Все участники делятся на группы по полу и возрасту.

- Мужчины I кат. с 18 до 25 лет.
 II " с 25 до 35 "
 III " от 35 и старше.
 Женщины I кат. с 17 до 25 лет.
 II " с 25 до 32 "
 III " с 32 и старше.

Для того, чтобы лучше проводить сдачу норм, их приурочивают к физкультурным праздникам, соревнованиям, включая в программу.

Все соревнования, связанные со сдачей норм на значок, проводятся по двум разделам: практическим испытаниям и теоретическим вопросам. Всего нужно сдать нормы по 21 разделу. Приведем главнейшие разделы.

Бег

От бояца требуется умение быстро передвигаться, поэтому необходимо овладеть техни-

кой бега. В зависимости от возраста нужно показать разное время. Мужчины первой категории в беге на 100 метров должны показать минимум 14,5 сек., второй категории — 15 сек. и третьей — 16 сек. Для женщин по тем же категориям — 16 сек., 17 сек., 18 сек.

В беге на 1.000 метров участвуют только мужчины, показывая результаты: в первой категории 3 мин. 30 сек., во второй — 3 мин. 40 сек. и в третьей — 3 мин. 50 сек. Для женщин эта дистанция заменяется дистанцией в 500 метров.

По прыжкам нужно показать норму в длину с разбега 4 метра для первой категории, 3 метра 80 см. — для второй и 3 м. 50 см. — для третьей. Для женщин прыжки в длину — от 3 до 2,5 метра.

Метание

Из обязательных элементов по метанию оставлена только граната. Она входит в норму мужчин и женщин всех категорий. Минимум для первой категории 35 метров для мужчин и 25 метров для женщин.

Плавание и гребля

Соревнование проводится на скорость, продолжительность и умение плыть в одежде. Для всех возрастов обязательно плавание на 100 метров. Мужчины первой категории должны

пройти эту дистанцию в 2 мин. 10 сек., а женщины — 2 мин. 30 сек. Для последующих категорий время уменьшается. Кроме того обязательно для всех возрастов плавание в течение 10 мин и плавание в брюках и рубашке без обуви на дистанцию в 50 метров без ограничения времени. Для всех возрастов обязательно меньше грести один километр — без времени, при чем нормы могут измениться в зависимости от местных особенностей. Для первой категории желательно испытание на реке против или поперек течения.

Лыжи

В настоящий зимний сезон все физкультурники должны обеспечить сдачу норм на значок по лыжам. Для мужчин обязательнохождение на лыжах дистанции в 10 километров по умеренно-пересеченной местности. Первая категория должна пройти эту дистанцию в 1 час. 15 мин., вторая в 1 час. 20 мин. и третья — в 1 час. 25 мин. Для женщин дистанция сокращается до 3 километров. Первая категория должна ее покрыть в 24 минуты.

Испытания по лыжам можно сочетать с передвижением в противозапас на дистанцию в 1 километр. То же можно проделать на коньках. Если же по местным условиям лыжи в соревновании участвовать не могут, они заменяются верховой ездой. Для этого физкультурник должен уметь правильно оседлать лошадь, сесть на нее, слезать и управлять конем во всех аллюрах, а также переводить из одного аллюра в другой.

Велосипед

Сдача норм по езде на стальном коньке ограничена 10 километрами для всех возрастов. Мужчины первой категории должны пройти эту дистанцию в 40 минут, а женщины — в 50 минут. Для остальных категорий время соответственно уменьшается. Допускается замена управления велосипедом умением управлять трактором, автомобилем, мотоциклом и т. д.

Подтягивание и лазанье

При сдаче норм мужчины должны подтягиваться на перекладине турника, бума, лестница так, чтобы подтянуть свое тело на руках до уровня подбородка. Мужчины всех категорий должны это проделать шесть раз. Для женщин подтягивание заменяется лазаньем по канату или шесту на высоту 2—3 метров.

Силовое упражнение для мужчин заключается в перевороте латинского ящика. Все категории должны поднять 4 раза с земли ящик в 32 кг, осторожно положив его на плечо и пройтись с ним 50 метров.

На этом кончатся практические испытания по сдаче норм на значок «Готов к труду и обороне». Теоретические знания физкультурника, сдающего нормы, должны выражаться в знакомстве с подачей первой помощи, с основами физкультурного контроля, с деятельностью Красного Спортинтера и выполнением самим.

Проведение сдачи норм на значок — задача каждого физкультурника, в первую очередь чемпионов-рекордсменов. Окончание пятилетия, празднуемое на самом большом в мире стадионе, который строится сейчас в Москве в Измайловском Зверинце, должно подвести итоги борьбы за нормы значка. Каждый комсомолец должен быть в рядах физкультурников, каждый физкультурник должен сдать нормы на значок «ГОТ».

Шахматы

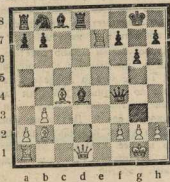
Партия № 6

„Сицилианская“

Белые: мастер Созин (Н.-Новгород). Черные: Нерасов (Оренбург).

Играли во всеоюзном шахматном турнире (Москва, октябрь 1931 г.).

1. e2—e4 e7—c5, 2. Kg1—f3 Kg8—f6!?, 3. e4—e5 Kf6—d5, 4. b2—b3 g7—g6!, 5. Cc1—b2 Cb8—g7, 6. e2—e4 Kd5—c7, 7. Kb1—c3 d7—d6, 8. e5:d6 e7:d6?, 9. d2—d4 e5:d4, 10. Kf3:d4 0—0, 11. Cf1—e2 d6—d5!, 12. e4:d5 Kc7:d5, 13. Kc3:d5 Fd8:d5, 14. 0—0 Lf8—d8?, 15. Ce2—c1 Fd5—e4, 16. Lf1—e, Fe1—f4, 17. Le1—e7 Cg7:d4?,

18. Le7—f7!?, Cd4:f2+!, 19. Krg1—h1 Ld8:d1+!, 20. La1:d1. Черные сдались*).

Примечания:

1) Очень острый ход, принадлежавший уже упоминаемому в «Смена» изобретателю так называемой «защиты Алехина» Каянкяну. 2) Своим третьим ходом белые отказались от теоретических продолжений f4—e2—c4 или 4.Kb1—c3 и сразу же пытаются сыграть бой с изследованных путей, ввести в него новую свежести. Черным следовало сыграть 4... Kb8—e5, заложила идею давления на пункты d4 и e5 и кроме того руководствуясь общим правилом: развивай коня раньше слона.

3) Нельзя 8... Fd8:d6 из-за Kc3—e4 Fd6—e6 10. Kf3—g5 Fc5:l1. Cb2:g7.

4) В дальнейшем черные хотят использовать шахное положение белого коня d4 и, разгрузив центр, закончить развитие.

5) Хотя черные и лишают белого коня возможности двигаться, все же их собственная отсталость в развитии дает себя чувствовать.

6) На 17... Ce8—e6 белые выигрывают просто ислерством 18. Kd4:e6. На 17... Ld8—f8 последовало бы 18. Le7:f7 Lf8:l7 19. Kd4—f5 с вариантами: а) 19... Ff4:f5 20. Fd1—d8+ Cg7:g7 21. Ff8—d4 с неизбежным матом; б) 19... Ce8:f5 (или e6:f5) 20. Ff4—d8+ и 21. Fd8—f6; в) 19... Kf8—e6 20. Cc4:l7+ Krg8:l7 21. Kf5:g7 с сильной угрозой Fd5+ и кроме того с лишней пешкой. Но еще сильнее на 17... Ld8—f8 сразу 18. Kd4—f5! Варианты предлагаем найти самим читателям.

7) Тяжелая жертва ферзя. Но результат этой жертвы далеко не «ничья», — черные терпят по меньшей мере фигуру.

8) Принятие объяснений не требует: мат неизбежен.

Примечания П. В. Носкова.

На VII всеоюзном шахматно-шашечном съезде Дружеский шарж художника Ю. Юзепчуна

На рисунке: внизу слева — Верлинский и м. Богатырчук (на «коне»). За ними (на стуле) м. Юдович, очень удачно сыгравший в турнире на первенство СССР. На коленях у него Кош, сыгравший, не в пример своему утешителю, плохо. Рядом беседуют м. Кап (слева) и новый м. Алаторцев. Записывает С. О. Вайнштейн, старейший и неутомимый труженик шахматной печати. Сзади, в форме, его соратник Голд, ответственный секретарь журнала «64». Стоит у доски комсомолец-вузовец мастер Ботаниник, блестяще завоевавший первенство СССР. Его главный соперник Рюмин, сильнейший из московских мастеров, сидит у доски. Тут же рядом сидят «иноисследователи»

мастера: комсомолец Мазель (слева) и Лишичи. За спиной Рюмина — три участника женского турнира: Мар, Чудова и Гирвилд (слева направо). С чекматом в руках б. мастер Романовский, антиобщественный и недисциплинированный посетитель вызвавший вполне справедливые возмущение съезда. Сидит на газете и Рабинович. Во френче — Н. В. Крыленко, руководитель советского шахматно-шашечного движения, нарком ордена и неутомимый турист. За ним — м. Зубарев и секретарь шахсборга ВСФК СССР и РСФСР т. Еремев (высокого роста). Сидит пригрозившись Каспария, блестяще начавший и совсем не блестяще окончивший всеоюзный турнир.

Участвуйте в этом конкурсе

В Германии до самого недавнего времени шахматное движение развивалось под руководством социал-предателей. Но в настоящий момент выросла и окрепла так называемая «коммунистическая организация», руководимая коммунистами, входящая в КСД.

Сейчас этой организацией объявлен международный конкурс на составление задач-художков для пролетарских составителей. Задача следует послать до 1 апреля 1932 г. по адресу: Германия, Berlin N. W. 21, Wilhelmshafenstrasse 42. Walter Spengler.

Судьи конкурса: Герман Отт (Мангейм), Фриц Вольф (Альтона) и Эрнст Лебель (Дрезден). Каждая задача посылается на трех листках: на первом — диаграмма задачи, на втором — решение ее, на третьем — фамилия, имя и адрес автора.

Успех этого конкурса еще раз подтвердит мощность пролетарского шахматного движения. Советские композиторы должны помочь тому, чтобы этот конкурс и по качеству и по количеству оставил далеко позади конкурсы социал-предательских организаций.

Участвие в этом конкурсе — долг каждого советского композитора. Все, как один, примем участие в нем!

Творческая консультация

Вы составляете задачу. И вдруг вы находите побочное решение. Как вы ни бьетесь, устранить его вам не удается.

Вы читаете шахматный журнал. Находите там указание на какую-то тему Туксеня. Вы ее не знаете.

При решении задач вы втолкнулись на такую, которая никак не поддается вашим усилиям.

Множество всяких трудностей и неудач толкает на пути каждого начинающего композитора. И зачастую своих знаний и умения ему не хватает для преодоления их.

«Смена» организует «творческую консультацию». К ней привлечены все лучшие советские композиторы. Каждый начинающий композитор может обратиться в эту консультацию с любым вопросом и за любой помощью в области шахматной композиции.

Для получения консультации интересующий вас вопрос аккуратно напишите на отдельном листке и в правом углу поставьте пометку: «Творческая консультация». Немедленно по получении редакции перешлет вам вопрос опыльному композитору. Тот через три дня даст исчерпывающий ответ.

В случае, если вы хотите получить общую оценку своего творчества, принтите сборные своих композиций.

Рис. Горяева

Комсомол — шеф
воздушного флота

В прошлом номере «Сибиряк» были напечатаны отрывки из сценария выступления тт. Ильинкина и Исаха на вечере передачи творческого опыта. Сегодня мы помещаем отрывки из выступления т. Панферова на том же вечере

ОСНОВНОЕ ЗВЕНО

Ф. Панферов

Что нужно для того, чтобы стать писателем? Безусловно, для этого нужно иметь писательское «дарование», способность писать, способность на мир, на вещи глядеть глазами писателя. И второе, что необходимо, это — иметь устремление. Надо уметь подходить к предмету, к явлению, к профессу. Надо своим художественным творчеством говорить, куда ты зовешь, зачем и для кого ты пишешь.

Безусловно, и первое и второе качество у вас должно. Наш класс выдвигает десняки, сотни талантов рабочего класса. Вы все видите, вырисовываете в революции, закаленные в революции. Вы несете в литературу практику своего класса. Безусловно, у вас имеется убеждение, безусловно, вы знаете, куда надо звать массу, безусловно, вы знаете, что литература, это — предмет вечернего наслаждения... Наша литература должна быть боевой, мы своими произведениями должны помогать рабочему классу отыскивать лучшие методы борьбы за социализм.

Такое устремление у вас есть, но этого еще недостаточно для того, чтобы стать большим писателем. Недостаточно иметь только устремление, надо подняться до культурного уровня класса. Необходимо по-настоящему изучить Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, чтобы каждый из вас имел возможность не только агитировать, но чтобы он умел открывать процессы во всей глубине, чтобы он мог заглянуть в завтра и с этой точки зрения осветить материю...

Года три назад, в момент сплошной коллективизации и бурного роста колхозов, я попал на Урал, в Тюменский округ.

... Меня поместили в доме одного раскулаченного крестьянина, наверху. Однажды в заднюю комнату вваливается мужик в шубе, сам лохматый, волосы дыбом, смотрит, где бы помолиться. Икон не было, помолится так. Я спрашиваю его: «Ты ко мне?». Он отвечает: «Нет. А вот тут человек из Москвы приехал, так я к нему». — «Ну, значит, ко мне?» — «А я думал ты спрашиваешь — не с коммуны ли я. У меня все в голове помешалось»...

Оказывается, он пошел хлеб на станцию, а на обратном пути узнал, что его раскулачили, отобрали хлеб, лошадей, сбрую, выжили из дому и оставили ему одну лошадь.

Я начинаю с ним разговаривать, смотрю на этого человека — и вижу, что у него удивительные голубые глаза. Сам косматый, грязный, а глаза голубые, детские. Я начинаю его агитировать... Он слушает, потом глаза у него мутнеют, как у чумного котенка. «Нет, ничего не понимаю», — говорит он. Мне жаль его стало: человеку 65 лет, жил он 60 лет по-своему и вдруг все вверх дном перевернулось, и он, ничего не понимая, попал в тупик.

Если бы у меня не было убеждения в том, что колхозы строить надо, если бы я не знал хорошо жизни деревозонационной деревни и всего деревенского идиотизма, я бы написал рассказ не хуже, чем, например, Катаев или Макаров, пролил бы слезу: этот рассказ прочитали бы, кое-кто тоже подкавал бы... Но у меня было убеждение, что колхозы создавать надо, и на следующий день я поехал в его село, думая, что, может быть, здесь допущена ошибка.

Но здесь я увидел, что этот крестьянин с голубыми глазами в течение 30 лет давал все село, от него выли, он скупал по 100.000 пудов хлеба и отвозил на станцию. И тут я себе представил, что этот человек с голубыми глазами, очевидно, не одиного бедняка раньше срока я могилу вознал, что из-за него погиб не один десяток ребятишек, что он китрит, сопротивляется, что это вещь, которую нужно быть бесчеловечным.

Но что даю мне возможность сделать такое заключение? Только мое глубокое убеждение в том, что деревню надо коллективизировать всеми мерами, всеми силами, иначе десятки сотен лет она будет жить в тех же условиях, и этот человек с голубыми глазами будет эксплуатировать ее. Я мог сделать это заключение после того, как тщательно, детально, по-настоящему изучил все это на месте. Вам

нужно включаться в жизнь. Но правильную оценку вы все сможете дать только после того, как детально изучите труды Ленина, Маркса и Энгельса. Вспомните, какую характеристику давал Ленин кулаку. Он говорит, что это самое зверское существо. Кулак цапает, захватывает землю; помещиков меньше — больше кулачка. Ленин говорил, что кулак много раз восстанавливал старый порядок и старый режим. Кулак не раз поддерживал реакционное движение и был революцией. Такое понимание действительности даст культура. Надо подняться до этой культуры.

Почему надо изучать практику? Некоторые критики называют такую установку... «эмпиризм». Не изуче ли и нам заехать за книгу и заняться визитным искусством? Но так как такое обвинение идет по адресу нашего

Красноармейцы в читальне

Рис. В. Фадеева

творческой группы, то мы, как эмпирики, все-таки благословляем вас на изучение жизни. Мы, наоборот, считаем, что надо заниматься не только теорией и не только вопросами культуры; не только изучать учебники, книги, но надо теорию проверить практикой, надо практику уметь освещать теорией. Безусловно, если ты займешься только изучением самой практики, самой действительности, ты можешь попасть в лапы этого «ползучего эмпиризма», но если ты займешься культурой, изучением творчества Ленина и, с другой стороны, изучением практики нашего класса,—тогда ты сможешь ухватить, вскрыть и поставить большие проблемы нашего времени.

Недавно при «Крестьянской газете» было собрание крестьянских писателей. Мне было поручено сделать доклад. И вот, один из писателей, довольно крупный, порядочного возраста говорил в восторге о том, что надо поднять проблему—как создать в колхозах столовые.

Конечно, это дело нужное. Безусловно, для колхозника нужно создать такие условия, чтобы он ел лучше, ел лучше, лучше работал и т. д.

Но, мне думается, этот товарищ совершенно не понимает тех проблем, которые возникают у нас в деревне. И вот вы, которые сейчас поедете в деревню, если вы ухватитесь, как за основное, за проблему похлебки,—вы ничего не дадите существенного в своей творческой практике. Возьмем такое явление в деревне: в момент сплошной коллективизации самый отсталой частью деревни была женщина. Бабы шли в сельсовет, ругались, нападали на уполномоченных, а мужики стояли в стороне и говорили: «Что мы с бабой поделаем, баба—она баба и есть». Кулачки вечером собирали актив из баб и говорили, как надо действовать: «Ты женщина, тебя милиционер не тронет, ты и зарпай глаза уполномоченному».

Недавно я ездил в это же село, где бабы воинственно проявили себя вначале, и увидел, что женщина—передовой человек в деревне, женщина гораздо больше, чем мужик, за колхоз.

Как видите, явление мирового значения. Ведь сотни лучших умов работали над этим вопросом и ничего не получалось. А у нас в течение 2—3 лет женщина сделалась передовым человеком.

Почему? Если заниматься только вопросами похлебки, этот момент пропустить. Надо проанализировать, надо вскрыть глубину этого процесса, и при простом сопоставлении того, в каких условиях женщина работала до колхоза и в каких условиях она работает сейчас, — нам станет все ясно...

...Это объясняется тем, что мы создаем все условия для роста коммунистического труда, когда труд становится не проклятием—а радостью, когда труд проклятием,—человек работает потому, что он складчик, если не будет работать. Сейчас новые условия коллективной работы дают возможность радоваться человеку в самом процессе труда. Сейчас условия такие, когда человек растет, когда с его галд отвальничают шоры—и доиловы, и колдуны. Падает и сама религия. Возьмите пример с самих себя: когда вы прочтете интересную книгу, которая открывает перед вами мир, когда вы чувствуете, что растете—это радует вас. Точно так же это радует и мужика.

Суметь открыть радость труда, суметь ухватиться за это основное зено,—это значит суметь отразить в литературе великие идеи нашего времени, показать, как пролетариат шествует к социализму, ликвидируя классы, превращая себя и крестьянина в работника социалистического общества.

Комсомол военизируется

Рис. Арутюнян

Григ. В. Авруццоно

День начинался январем,
Термометры сводило.
— Давайте, что ли, запоем!
И песня забродила.
Она срывалась с жарких губ,
Как в юности бывало.
Она металась на снегу.
И все ей было мало.
Она упала на ряды,
Которые поротно
Потоком хлынувшей воды
Текали уже в ворота.
И от угля и до угля
Прожили сядо тесно,
Когда нас увидев вела
Буденювская песня.

Закину голову сплю
В аэристом разгоне.
И я тогда шагал в строю
В четвертом батальоне.
Тогда, я помню, как на грех,
У Земляного вала
Одна чевчонка мне при всех
Особенно кивала.
Но я ей крикнул издала,
Нахмуривая тугу брови:
— Шаги, галазата, шаши!
Меня ж не оставишь...
Хрипел мороз под салюгом.
Термометры сводило.
— Давайте, что ли, запоем!
И песня забродила.

Зам. отв. ред. И. Осипов

Изд. № 187.

Тир. 36500

Цена 50 коп.

Боевая тревога

По тревоге все
на местах

